

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
12 August 2022
Russian
Original: English

Семьдесят седьмая сессия

Пункт 69 b) предварительной повестки дня*

Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод

Дезинформация и свобода мнений и их выражения во время вооруженных конфликтов**

Записка Генерального секретаря

Генеральный секретарь имеет честь препроводить Генеральной Ассамблее доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Ирен Хан, представленный в соответствии с резолюцией 43/4 Совета по правам человека.

* A/77/150.

** Настоящий доклад был представлен после установленного срока, с тем чтобы отразить в нем самую последнюю информацию.

Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение

Резюме

В настоящем докладе Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Ирен Хан рассматривает проблемы, которые создает манипулирование информацией для свободы мнений и их выражения во время вооруженного конфликта. В докладе она отмечает, что информационная среда в цифровую эпоху превратилась в опасный театр военных действий, где государственные и негосударственные субъекты, пользуясь цифровыми технологиями и социальными сетями, используют информацию в качестве оружия, с тем чтобы сеять смуту, разжигать ненависть, подстрекать к насилию и затягивать конфликты.

Подчеркивая жизненную важность права на информацию как «права на выживание», от которого зависит жизнь, здоровье и безопасность людей, Специальный докладчик рекомендует укреплять стандарты прав человека наряду с международным гуманитарным правом во время вооруженных конфликтов. Она призывает государства подтвердить свою приверженность отстаиванию свободы мнений и их свободного выражения и обеспечить, чтобы усилия по противодействию дезинформации, пропаганде и подстрекательству прочно закрепились на правах человека. Она рекомендует компаниям социальных сетей привести свою политику и практику в соответствие со стандартами в области прав человека и последовательно применять их во всем мире. В заключение она подтверждает необходимость повышать устойчивость общества к дезинформации и продвигать многосторонние подходы, в которых участвуют гражданское общество, а также государства, компании и международные организации.

Содержание

I.	Введение	4
II.	Концепции, жертвы и средства распространения	5
	A. Концептуальные проблемы	5
	B. Люди и проблемы, подверженные риску	6
	C. Средства распространения манипулируемой информации	10
III.	Анализ существующего правового ландшафта	12
	A. Одновременное применение режимов международного права прав человека и гуманитарного права	12
	B. Манипулирование информацией в контексте международного права прав человека	13
	C. Манипулирование информацией в контексте международного гуманитарного права	15
	D. Защита журналистов	16
	E. Экстерриториальная ответственность за права человека	16
IV.	Реакция государств: проблемы, вызовы и передовой опыт	17
	A. Поощрение доступа к информации	17
	B. Дезинформация и пропаганда, спонсируемые государством	18
	C. Нападения на средства массовой информации и правозащитников	19
	D. Регулирование социальных сетей	21
	E. Нарушения в работе Интернета и телекоммуникаций	22
V.	Компании, работающие в социальных сетях: функции и обязанности	23
	A. Социальные сети в условиях конфликта	23
	B. Корпоративные правовые стандарты во время конфликтов	24
	C. Политика компаний	25
	D. Практика компаний	27
VI.	Выводы и рекомендации	31
	A. Рекомендации для государств	32
	B. Рекомендации для компаний	34

I. Введение

1. Во время вооруженного конфликта люди находятся в наиболее уязвимом положении и больше всего нуждаются в точной, достоверной информации для обеспечения собственной безопасности и благополучия. Однако именно в таких ситуациях свобода мнений и их свободное выражение, включая «свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода», в наибольшей степени ограничиваются условиями войны и действиями сторон в конфликте и других субъектов по манипулированию и ограничению доступа к информации ради достижения политических, военных и стратегических целей¹.
2. Манипулирование информацией и информационной средой со стороны государства и вооруженных групп давно стало характерной чертой войны. Оно принимает различные формы — от применения «военных уловок» с целью обмана и деморализации войск противника до проведения «информационных операций» с целью оказания влияния на общественность и использования «языка вражды» с целью разжигания насилия в отношении меньшинств. Новый и вызывающий серьезную озабоченность момент заключается в том, с какой легкостью, в каких масштабах и как быстро ложная или вводящая в заблуждение вредная информация создается, распространяется и усиливается с помощью цифровых технологий.
3. Платформы социальных сетей играют в современных конфликтах двоякую роль. С одной стороны, они позволяют людям оставаться на связи с семьей, друзьями и внешним миром, а также получать доступ к широкому спектру жизненно важной информации. С другой стороны, они служат средствами распространения дезинформации, пропаганды и языка вражды.
4. Многие государства пытаются ограничить доступ к информации — либо реагируя на дезинформацию, либо в рамках собственных усилий по манипулированию информацией — путем принятия законов о национальной безопасности, борьбе с терроризмом или «ложными новостями», нападений на независимых журналистов и правозащитников, закрытия независимых средств массовой информации, отключения Интернета и регулирования цифровых платформ, действуя при этом таким образом, что это подрывает права человека и усугубляет те самые проблемы, которые они хотят решить.
5. Свобода мнений и их свободное выражение не являются частью проблемы. Это — средство борьбы с дезинформацией, представляющее ценность само по себе. Право на доступ к различным, поддающимся проверке источникам информации является одним из основных прав человека. Для людей, живущих в обществах, затронутых конфликтами, это жизненная необходимость. По сути, это «право на выживание». Оно также крайне важно для урегулирования конфликтов, разоблачения нарушений прав человека и поиска справедливости, а также для отправления правосудия и привлечения виновных к ответственности.
6. Повышенные риски, которые дезинформация и другие формы манипулирования информацией создают для гражданского населения, особенно для его маргинализированных и уязвимых групп, а также для прав человека, гуманитарных операций и мирных процессов, подчеркивают настоятельную необходимость подтвердить обязанности государств и компаний по защите свободы мнений и их свободного выражения. Именно соблюдение прав человека и гуманитарных принципов позволяет сохранить целостность информации, а также безопасность людей во время вооруженного конфликта.

¹ Статья 19 (пункт 2) Международного пакта о гражданских и политических правах.

7. С опорой на свой доклад о противодействии дезинформации при поощрении и защите свободы мнений и их свободного выражения² Специальный докладчик уделяет в настоящем докладе особое внимание вопросам дезинформации, пропаганды и разжигания ненависти, которое представляет собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию («язык вражды») в контексте вооруженных конфликтов, как это определено в международном гуманитарном праве.

8. В этом докладе Специальный докладчик рассматривает природу и влияние манипулирования информацией; законодательную основу; и роли государств и компаний социальных сетей. Она выявляет проблемы и угрозы, в том числе области неполного соответствия правовым нормам или правовой неопределенности, а также передовой опыт и выносит рекомендации, адресованные главным образом государствам и компаниям социальных сетей. Доклад не является всеобъемлющим исследованием, и в нем не рассматривается роль вооруженных групп или компаний, кроме компаний социальных сетей, или киберопераций.

9. Специальный докладчик признает сложный и деликатный характер этой темы и необходимость дальнейших исследований, анализа и консультаций и считает данный доклад первым шагом на пути к взаимодействию с заинтересованными сторонами.

10. При подготовке доклада были использованы данные, полученные в ходе консультаций, и письменные материалы, представленные государствами, журналистами, правозащитниками, учеными и организациями гражданского общества³.

II. Концепции, жертвы и средства распространения

A. Концептуальные проблемы

11. Несмотря на растущий интерес к теме манипулирования информацией и принятие резолюций Организации Объединенных Наций по дезинформации, сохраняется существенная путаница в том, что касается различных концепций и того, как они соотносятся между собой⁴. Отсутствие международного соглашения по соответствующим определениям наглядно свидетельствует о сложном характере этих концепций и полемике вокруг них.

12. Дезинформация, пропаганда и агитация, направленные на разжигание дискриминации, насилия и вражды, имеют некоторые общие черты, такие как: отсутствие четких, согласованных определений; высокий уровень распространенности в условиях беспорядков и конфликтов; усиление с помощью цифровых технологий; растущее уделение внимания гражданскому населению, нежели военнослужащим; и пагубное влияние на права человека, демократию и мирные процессы. Временами эти концепции частично перекрываются. Например, некоторые формы дезинформации и пропаганды могут быть приравнены к пропаганде подстрекательства к насилию, вражде, дискриминации и военным преступлениям.

² A/HRC/47/25.

³ Материалы размещены URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-freedom-of-opinion-and-expression>.

⁴ Резолюция 76/227 Генеральной Ассамблеи и проект резолюции A/HRC/49/L.31/Rev.1 Совета по правам человека; см. также A/HRC/47/25.

13. Во всех трех концепциях присутствует определенный элемент манипулирования, обмана и искажения информации, призванных создать путаницу, в том числе в отношении их собственного смыслового наполнения. Фактическая информация подвергается делегитимизации как «фальшивые новости» или дезинформация. Мнения, убеждения и неопределенные знания искажаются с целью дискредитации источника. Ложная информация используется для причинения вреда. Достоверные данные международных органов, включая доклады независимых экспертов Организации Объединенных Наций, отвергаются как дезинформация, тогда как пропаганда выдается за факты.

14. Дезинформация как явление существует уже тысячелетия, но в цифровую эпоху она получила более широкое распространение. Хотя единого согласованного определения термина «дезинформация» не существует, под ним все чаще понимается манипулирование фальшивой или вводящей в заблуждение информацией с целью намеренного обмана и нанесения вреда обществу⁵. Дезинформацию следует отличать от ложной информации, которая представляет собой ложь, распространяемую без намерения причинить вред.

15. Пропаганда упоминается, но не имеет определения в международном праве⁶. В то время как дезинформация направлена на то, чтобы запутать и внести хаос, пропаганда преследует цель продвижения определенной повестки дня или интересов какой-либо стороны. Термин «пропаганда», восходящий к понятию «распространения» или передачи информации и взглядов, имеет неодобрительную коннотацию, подразумевая распространение информации, которая может быть правдивой или ложной, но является предвзятой, частичной, вводящей в заблуждение и эмоционально заряженной⁷. Пропаганда и дезинформация могут частично перекрываться в рамках «информационных операций», под которыми обычно понимаются проводимые государствами или политическими субъектами кампании с целью оказать влияние на взгляды, установки и поведение противников или общественности в интересах достижения политических и военных целей.

16. Подстрекательство, или акт прямого или косвенного призыва или побуждения к совершению преступления, запрещено международным правом. Термин «подстрекательство» используется в настоящем докладе для обозначения деятельности по разжиганию национальной, расовой или религиозной ненависти, которая представляет собой подстрекательство к дискриминации, вражде, насилию (обычно называемое «языком вражды»), военным преступлениям, преступлениям против человечности и геноциду.

В. Люди и проблемы, подверженные риску

17. В настоящее время появляется все больше доказательств того, что информацией манипулируют, с тем чтобы провоцировать, умножать и поддерживать насилие в течение длительного времени, сгущая «туман войны» противоречивыми и ложными новостями и способствуя созданию атмосферы недоверия. Динамика вооруженного конфликта и дезинформация в сложном взаимодействии с

⁵ См. Европейская комиссия, Обновленный кодекс практических мер по борьбе с дезинформацией, доступно URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/2022-strengthened-code-practice-disinformation>.

⁶ Статья 20 (пункт 1) Международного пакта о гражданских и политических правах.

⁷ См. Манфред Новак, «Комментарий к Пакту Организации Объединенных Наций о гражданских и политических правах ССРР» (Кель-ам-Райн, Германия, N.P. Engel, 1993).

другими проблемами ведут к усугублению человеческих страданий и подпитывают ненависть, при этом мишенью становятся уязвимые группы населения.

18. **Меньшинства и маргинализированные группы.** От событий в Руанде⁸ три десятилетия назад до событий в Мьянме⁹ и Эфиопии¹⁰ в последнее время — таков исторический диапазон использования сторонами в конфликте платформ массовых коммуникаций для разжигания ненависти среди населения, дегуманизации другой стороны и подстрекательства к грубым нарушениям прав человека, военным преступлениям, преступлениям против человечности и геноциду¹¹. В ряде ситуаций политические лидеры использовали пропитанную нетерпимостью, сеющую раскол и опасную риторику с целью отрицания установленных фактов, нагнетания напряженности и превращения национальных, этнических и религиозных групп в «козлов отпущения»¹². Беженцы, внутренне перемещенные лица и мигранты зачастую изображаются как угроза национальной безопасности или социальной сплоченности общества, чтобы усилить враждебное к ним отношение¹³.

19. Разжигание ненависти и подстрекательство в Центральноафриканской Республике — с использованием Интернета — способствовали подпитке циклов чудовищных преступлений в рамках противостояния между христианами и мусульманами в последние годы¹⁴. В Эфиопии сетевые «активисты» использовали свои аккаунты в «Фейсбуке» для разжигания ненависти и подстрекательства к нападениям, убийствам и перемещению представителей других племен¹⁵. В Ираке группы боевиков используют «Телеграм», «Фейсбук» и «Ютуб» для пропаганды ненависти и раскола по конфессиональному признаку, что вынуждает

⁸ См. Монреальский институт по изучению геноцида и прав человека, «Стенограммы радиопередач Руанды», доступно URL: <https://www.concordia.ca/research/migs/resources/rwanda-radio-transcripts.html>.

⁹ A/HRC/39/CRP.2; см. также материалы, представленные организацией “Free Expression Myanmar” («Свобода выражения мнений в Мьянме»).

¹⁰ См. Джаспер Джексон и другие, «Facebook обвиняется пострадавшими в том, что позволил активистам подстрекать к этнической резне и дезинформации в Эфиопии», Бюро журналистских расследований, 20 февраля 2022 года, доступно URL: <https://www.thebureauinvestigates.com/stories/2022-02-20/facebook-accused-of-letting-activists-incite-ethnic-massacres-with-hate-and-misinformation-by-survivors-in-ethiopia>.

¹¹ См. SC/14939.

¹² См. Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение и другие, «Совместная декларация политиков и государственных должностных лиц о свободе выражения мнений», доступно URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022-04/Joint-Declaration-2021-Politicians_EN.pdf.

¹³ См. URL: <https://www.un.org/en/hate-speech/impact-and-prevention/targets-of-hate>.

¹⁴ См. Никола Баррах-Юсефи и другие, *Лексикон ненавистнических и подстрекательских высказываний в Центральноафриканской Республике* (PeaceTech Lab, Вашингтон, О.С.), доступно URL: https://static1.squarespace.com/static/54257189e4b0ac0d5fca1566/t/60edb60d3680ef421b572ff7/1626191378524/CARLexicon_English_web.pdf; см. также URL: <https://www.ungeneva.org/fr/news-media/news/2022/07/rca-un-expert-de-lonu-alarme-par-la-proliferation-des-faussees-informations>.

¹⁵ Фонд «Глобальный свидетель», «Сейчас самое время убивать: Facebook («Фейсбук») продолжает одобрять разжигающие ненависть высказывания, подстрекающие к насилию и геноциду во время гражданской войны в Эфиопии», 9 июня 2022 года, доступно URL: <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/digital-threats/ethiopia-hate-speech/>; см. также Тесса Найт и Бет Алексисон, «Влиятельные эфиопские аккаунты в социальных сетях разжигают насилие по этническому признаку», DFRLab, 17 декабря 2021 года, доступно URL: <https://medium.com/dfrlab/influential-ethiopian-social-media-accounts-stoke-violence-along-ethnic-lines-6713a1920b02>.

многие потенциальные жертвы, особенно женщин, скрываться или покидать свои дома¹⁶.

20. Волна насилия и убийств, поднявшаяся после того, как был застрелен певец Хачалу Хундесса, является лишь одной из иллюстраций того, как ненависть, разжигаемая в Интернете, приводит к злодеяниям в обычной жизни¹⁷. В Южном Судане унижительные выражения использовались в Интернете для шельмования скотоводческих племен динка как угрозы территориальной и этнической целостности и для подстрекательства боевиков и вооруженных групп к их идентификации, нападениям на них и убийству их представителей¹⁸.

21. **Гражданское население.** Дезинформация о месте и характере боевых действий, перемещении войск или населения, а также о существовании и доступности безопасных зон может заставить людей принимать неверные и опасные решения. Во многих ситуациях гражданское население страдает не только от дезинформации, но и от вводимой властями информационной блокады и отключения Интернета¹⁹. Когда родственники не могут общаться друг с другом, когда люди не имеют доступа к достоверной информации о ситуации в области безопасности или о наличии основных услуг или гуманитарной помощи, они не могут оценить риски для своей безопасности и принять соответствующие решения. По словам гражданских лиц в Эфиопии, отсутствие доступа к достоверной информации перевернуло их жизнь «с ног на голову»²⁰. Важность наличия достоверной информации о гуманитарных коридорах особо подчеркивалась в ситуации, когда гражданские лица пытались бежать, спасаясь от боевых действий в Мариуполе, Украина²¹.

¹⁶ См. Джои Ши и Руба аль-Хассани, «Язык вражды, социальные сети и политическое насилие в Ираке: виртуальное гражданское общество и беспорядки», Институт ближневосточной политики «Тахрир», 11 февраля 2021 года, доступно URL: <https://timep.org/commentary/analysis/hate-speech-social-media-and-political-violence-in-iraq-virtual-civil-society-and-upheaval/>; см. также Пштиван Фарадж и Эмили Уилсон, «Глубоко укоренившиеся предрассудки подпитывают язык ненависти в Ираке», Институт исследований по проблемам развития, 9 января 2021 года, доступно URL: <https://www.ids.ac.uk/opinions/deeply-ingrained-prejudice-fuels-hate-speech-in-iraq/>.

¹⁷ См. пресс-релиз Организации Объединенных Наций, «Эксперты Организации Объединенных Наций призывают Эфиопию разрешить мирные протесты, приветствуют частичное восстановление Интернета», 21 июля 2020 года, доступно URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2020/07/un-experts-call-ethiopia-allow-peaceful-protests-welcome-partial-restoration?LangID=E&NewsID=26115>.

¹⁸ См. проект «Опасная речь», «Динка называют “MTN” в Южном Судане», 2 января 2022 года, доступно URL: <https://dangerousspeech.org/dinka-called-mtn-in-south-sudan/>; см. также Организация «Сила сообщества за прогресс», «Социальные сети разжигают войну, которая ставит страну на грань геноцида», 15 мая 2017 года, доступно URL: <http://cepo-southsudan.org/news/social-networks-ignite-war-puts-country-brink-genocide>.

¹⁹ Материалы, совместно представленные Центром защиты средств массовой информации, Центром по защите прав человека «Мемориал», проектом «Сетевые свободы» и ОВД-Инфо.

²⁰ См. Отчет Эфиопской комиссии по правам человека/Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) о совместном расследовании предполагаемых нарушений международного права прав человека, гуманитарного и беженского права, совершенных всеми сторонами в конфликте в регионе Тыграй Федеративной Демократической Республики Эфиопия, доступно URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3947207?ln=en>.

²¹ «Дойче велле», «Украина говорит, что запланированные эвакуации в Мариуполе не состоялись — как это было», апрель 2022 года.

22. Результаты исследований показали несоразмерно сильное воздействие дезинформации на женщин²², детей²³ и представителей ЛГБТИК+²⁴. Их положение только ухудшается в условиях конфликта, когда зачастую отсутствует поддержка.

23. Искаженное понимание ситуации может значительно усилить тревогу, страх и стресс, а в сочетании с травмой, полученной в результате столкновения с насилием и злодеяниями, может иметь долгосрочные последствия для психического здоровья²⁵. Постоянно стимулируя чувства гнева и возмущения, дезинформация может также провоцировать радикальные формы выражения недовольства, экстремистские мнения и обращение к насилию.

24. **Права человека и гуманитарные организации.** Стороны в конфликте или их союзники используют дезинформацию и пропаганду с целью дискредитировать правозащитников и гуманитарные организации и заблокировать гуманитарный доступ и доставку помощи. Например, на Украине²⁶, в Сирийской Арабской Республике²⁷ и Государстве Палестина²⁸ в рамках скоординированных дезинформационных кампаний распространялись необоснованные обвинения в адрес соответствующих организаций, в частности, в их пристрастности, преступной деятельности или связях с вооруженными группировками.

25. Такая дезинформация может повлиять на восприятие людьми этих организаций и побудить их отказаться от взаимодействия с ними или пользования их услугами. Очернительские кампании могут отразиться на донорском финансировании и создать риски для безопасности, включая риск гендерного насилия в отношении сотрудников-женщин, что негативно сказывается на присутствии, доступе и способности гуманитарных работников оказывать помощь уязвимым

²² EU DisinfoLab, “Gender-based disinformation: Advancing our understanding and response”, 20 октября 2021 года, доступно URL: <https://www.disinfo.eu/publications/gender-based-disinformation-advancing-our-understanding-and-response/>; см. также Люсина Ди Меко и Кристина Вильфор, «Гендерная дезинформация — проблема национальной безопасности», Институт Брукинга, 8 марта 2021 года, доступно URL: <https://www.brookings.edu/techstream/gendered-disinformation-is-a-national-security-problem/>.

²³ См. Управление глобального анализа и политики Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), «Цифровая дезинформация/дезинформация и дети», август 2021 года, доступно URL: <https://www.unicef.org/globalinsight/media/2096/file/UNICEF-Global-Insight-Digital-Mis-Disinformation-and-Children-2021.pdf>.

²⁴ См. Европейский парламент, Генеральный директорат по внешней политике, Департамент политики, «Дезинформационные кампании о ЛГБТИ+ людях в ЕС и иностранное влияние», июль 2021 года, доступно URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653644/EXPO_BRI\(2021\)653644_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653644/EXPO_BRI(2021)653644_EN.pdf).

²⁵ См. Эйан Кац, «Война лжецов: защита гражданского населения от дезинформации во время вооруженного конфликта», Международный журнал Красного Креста, № 914, декабрь 2021 года, доступно URL: <https://international-review.icrc.org/articles/protecting-civilians-from-disinformation-during-armed-conflict-914>.

²⁶ См. Международный комитет Красного Креста (МККК), «Украина: устранение дезинформации о деятельности МККК», 26 марта 2022 года, доступно URL: <https://www.icrc.org/en/document/ukraine-addressing-misinformation-about-icrcs-activities>.

²⁷ См. Mel Bunce, “Humanitarian communication in a post-truth world”, Journal of Humanitarian Affairs, Manchester openhive, Vol. 1, No. 1, 1 January 2019, доступно URL: <https://www.manchesteropenhive.com/view/journals/jha/1/1/article-p49.xml>; см. также Луиза Лавлюк, “Russian disinformation campaign target Syria’s beleaguered rescue workers” в The Washington Post, 18 декабря 2018 г., доступно URL: https://www.washingtonpost.com/world/russian-disinformation-campaign-targets-syrias-beleaguered-rescue-workers/2018/12/18/113b03c4-02a9-11e9-8186-4ec26a485713_story.html.

²⁸ Материалы, представленные Сетью благотворительности и безопасности (2021 год).

группам населения²⁹. В некоторых ситуациях, например, в Эфиопии, власти ограничивали или блокировали работу гуманитарных организаций, обвиняя их в распространении дезинформации, когда их деятельность или сообщения не полностью отвечали интересам правительства³⁰.

26. **Доверие общества.** Дезинформация порождает недоверие общества к целостности информации, что, в свою очередь, чревато масштабными социальными и политическими последствиями, препятствуя миру, демократии, примирению и восстановлению³¹. Когда люди не доверяют источникам информации, сообществам невозможно выработать общее понимание фактов, а в отсутствие такого понимания не может быть и общей основы для конструктивного обмена мнениями, позволяющего осуществлять процессы посредничества и примирения. В ситуациях затяжных и замороженных конфликтов, таких как конфликты в Нагорном Карабахе³² или Государстве Палестина³³, дезинформация, пропаганда и ложные утверждения, исходящие от различных сторон в зоне конфликта и за ее пределами, на протяжении десятилетий препятствовали разрешению конфликта и мирным процессам.

C. Средства распространения манипулируемой информации

27. Дезинформация, пропаганда и язык вражды присущи не только вооруженным конфликтам. Они используются и в другие времена и распространяются несистематизированно на различных этапах и стадиях нарастания напряженности и волнений, которые предшествуют вооруженным конфликтам или следуют за ними. основополагающие причины конфликтов, в частности исторические претензии, системное неравенство, дискриминация, межобщинное и этническое соперничество, политическая напряженность и неэффективное управление, создают для них идеальную питательную среду. Динамика разделения, поляризации и дегуманизации, которая характеризует насилие и конфликты, поддерживается и сохраняется вследствие такого манипулирования информацией.

²⁹ См. Рэйчел Сьюй, «Вы не можете справиться с правдой: дезинформация и гуманитарная деятельность», Блог МККК по гуманитарному праву и политике, 15 января 2021 года, доступно URL: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2021/01/15/misinformation-humanitarian/>.

³⁰ См. Каамил Ахмед, «Эфиопия приостанавливает деятельность групп помощи за «распространение дезинформации»», *The Guardian*, 6 августа 2021 года, доступно URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2021/aug/06/ethiopia-suspends-aid-groups-for-spreading-misinformation>.

³¹ См. Корпус милосердия, «Укрепление социальной сплоченности для предотвращения насилия: десять уроков для политиков и практиков», март 2022 года, доступно URL: https://www.mercycorps.org/sites/default/files/2022-06/10-Lessons-SC-Brief_V6_EU.pdf; см. также Т.М. Sagharian-Dickey, «Важность доверия в достижении позитивного мира», *The Palgrave Handbook of Positive Peace*, 31 июля 2021 года, доступно URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-981-15-3877-3_52-1#citeas.

³² См. Европейские ресурсы поддержки посредничества, «СМИ и дезинформация в нагорно-карабахском конфликте и их роль в разрешении конфликта и миростроительстве», январь 2021 года, доступно URL: https://www2.coleurope.eu/system/uploads/news/event_report_-_media_and_disinformation_in_the_nagorno-karabakh_conflict.pdf?&file=1&type=node&id=draft&force=.

³³ Материалы, представленные организацией “7amleh” — The Arab Centre for the Advancement of Social Media («Хамле» — Арабским центром по продвижению социальных сетей); см. также Шира Франкель, «Ложь в социальных сетях разжигает израильско-палестинский конфликт», *The New York Times*, 14 мая 2021 года, доступно URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/14/technology/israel-palestine-misinformation-lies-social-media.html>.

28. Фактором, приведшим к коренному изменению картины распространения дезинформации — как во времена войны, так и в мирное время, — стало появление цифровых технологий. В Эфиопии, например, согласно оценкам, 70 процентов дезинформации распространяется через социальные сети³⁴.

29. Технологические инновации позволяют создавать с помощью технологии «дипфейков» изображения, видео и текст, убедительно искажающие реальность, а бизнес-модели и методы работы цифровых и социальных медиа-платформ способствуют их быстрому распространению в крупных масштабах и с высокой скоростью³⁵. Методы микротаргетинга, алгоритмические рекомендации и сетевые эффекты способствуют созданию информационных форматов и контента, которые стимулируют когнитивную и эмоциональную предвзятость, в частности вызывая чувства удивления, гнева, отвращения или возмущения, с тем чтобы привлечь и удержать внимание пользователей³⁶. Они также усиливают эффект эхо-камеры и поляризуют аудиторию по политическим и религиозным признакам.

30. Несмотря на более широкое использование социальных сетей, наиболее распространенным источником новостей для большинства людей в зонах конфликтов остаются традиционные средства массовой информации. В то время как журналистика, служащая интересам общественности, является ключевым инструментом противодействия манипулированию информацией, некоторые информационные агентства, особенно агентства, контролируемые государством, являются средством распространения дезинформации, пропаганды и языка вражды³⁷. Существует также риск распространения подтасованной информации независимыми СМИ, если они полагаются на государственных чиновников как на единственный источник сведений или отказываются подвергать сомнению официальные заявления.

31. Интересно отметить взаимодействие между онлайн и офлайн настройками. Например, в Йемене в условиях, когда традиционные средства массовой информации заняли ангажированную позицию в отношении сторон в конфликте, молодые йеменцы стали все чаще обращаться за новостной информацией к социальным сетям, сталкиваясь при этом, однако, и с ложными новостями³⁸. В Мьянме вследствие усиления контроля и модерации интернет-контента платформами власти были вынуждены дополнить онлайн-кампании внесетевой пропагандой с использованием брошюр, листовок, писем и местных газет³⁹. В

³⁴ См. Европейский институт мира, «Фальшивые новости, дезинформация и язык вражды в Эфиопии: оценка уязвимости», 12 апреля 2021 года, доступно URL: <https://www.eip.org/wp-content/uploads/2021/04/Fake-News-Misinformation-and-Hate-Speech-in-Ethiopia.pdf>.

³⁵ См. Дэн Боне и другие, «Подготовка к эпохе глубоких подделок и дезинформации», Стэнфордский университет «Человекоцентрированный искусственный интеллект», ноябрь 2020 года, доступно URL: https://hai.stanford.edu/sites/default/files/2020-11/HAI_Deepfakes_PolicyBrief_Nov20.pdf; см. также Бен Бьюкенен и другие, «Правда, ложь и автоматизация: как языковые модели могут изменить дезинформацию», Центр безопасности и новых технологий, май 2021 года, доступно URL: <https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/CSET-Truth-Lies-and-Automation.pdf>.

³⁶ См. Matthew Shaer, “What emotion goes viral the fastest?”, журнал “Smithsonian Magazine” апрель 2014 года, доступно URL: <https://www.smithsonianmag.com/science-nature/what-emotion-goes-viral-fastest-180950182/>.

³⁷ Материалы, представленные организацией «Статья 19».

³⁸ См. Ark, «Фальшивые новости и дезинформация в йеменском конфликте», 5 июня 2021 года, доступно URL: <https://www.ark.international/ark-blog/fake-news-and-disinformation-in-yemens-conflict>.

³⁹ См. Эндрю Начемсон и Frontier Myanmar, «Военная дезинформация переходит в офлайн на фоне ограничений Интернета», 28 января 2021 года, доступно URL:

обоих случаях последствия появления ненавистнических высказываний в сети проявились в насилии в обычной жизни.

32. Увеличение объема дезинформации нельзя связывать исключительно с цифровыми технологиями или глубинными причинами конфликтов. Субъектов ее распространения существует множество, включая государственные и негосударственные стороны, политические партии, вооруженные группы и деловые круги, поддерживаемые платными армиями «троллей» и пиар-компаниями. В настоящем докладе Специальный докладчик в основном сосредоточилась на роли и ответственности государств и компаний социальных сетей.

III. Анализ существующего правового ландшафта

A. Одновременное применение режимов международного права прав человека и гуманитарного права

33. Сегодня общепризнано, что международное право прав человека и международное гуманитарное право применяются в отношении вооруженных конфликтах одновременно⁴⁰. В то время как Международный суд Организации Объединенных Наций отметил, что «некоторые права могут быть исключительно вопросами международного гуманитарного права; другие — могут быть исключительно вопросами стандартов в области прав человека; однако третьи — могут быть вопросами, охватываемыми обеими этими отраслями международного права»⁴¹, по мнению Комитета по правам человека, эти два режима «дополняют, а не исключают друг друга»⁴².

34. Применение режима международного права прав человека наряду с международным гуманитарным правом является жизненно важным для эффективной защиты права на свободу мнений и их свободного выражения во время конфликтов. Международное гуманитарное право вступает в действие только с началом вооруженного конфликта и касается в первую очередь ведения военных операций и защиты определенных категорий лиц в международных и немеждународных конфликтах. Как таковое, оно охватывает вопросы свободы выражения мнений и доступа к информации «лишь вскользь и несистематически»⁴³. Принципы и стандарты в области прав человека могут обеспечить ясность и защиту там, где международное гуманитарное право «молчит», отсутствует или сопряжено с неопределенностью.

35. Взаимодополняющий характер этих двух правовых режимов открывает широкие возможности для защиты свободы мнений и их свободного выражения перед лицом возникающих и сложных проблем в цифровую эпоху. Например, международное гуманитарное право применяется только к сторонам, участвующим в вооруженном конфликте, в то время как обязательства в области прав

<https://www.frontiermyanmar.net/en/military-disinformation-moves-offline-amid-internet-restrictions/>; см. также материалы, представленные организацией «Free Expression Myanmar» («Свобода выражения мнений в Мьянме»).

⁴⁰ См. Международный суд Организации Объединенных Наций, Консультативное заключение о законности угрозы ядерным оружием или его применения, 8 июля 1996 года.

⁴¹ См. Международный суд Организации Объединенных Наций, Консультативное заключение о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории, 9 июля 2004 года.

⁴² CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, пункт 11.

⁴³ См. URL: <https://www.geneva-academy.ch/joomlatools-files/docman-files/working-papers/Protecting%20the%20Global%20inupholdinformation%20space%20in%20times%20of%20armed%20conflict.pdf>.

человека применимы к более широкому кругу субъектов, участвующих в манипулировании информацией. Кроме того, некоторые виды манипуляций, допустимые в соответствии с международным гуманитарным правом, могут ограничиваться согласно режиму прав человека. Таким образом, одновременное применение обоих режимов дает возможность для взвешенного подхода⁴⁴. С другой стороны, международное гуманитарное право предусматривает более высокий уровень защиты от некоторых конкретных угроз во время войны, чем международное право прав человека.

В. Манипулирование информацией в контексте международного права прав человека

36. Право на свободу мнений и их выражения гарантируется статьей 19 Всеобщей декларации прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах. Свобода мнения является абсолютным правом, не подлежащим ограничению, лимитированию или умалению, даже во время вооруженного конфликта⁴⁵.

37. Свобода выражения мнений включает свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода, истинные или ложные, оскорбительные или свободные от предрассудков, невзирая на границы и в любых средствах массовой информации по своему выбору. Она может быть ограничена только с помощью мер, которые являются законными и строго необходимыми для защиты прав и репутации других лиц, национальной безопасности, общественного порядка, здоровья населения или общественной морали⁴⁶. Принцип законности требует, чтобы ограничения устанавливались на основе законов, которые являются ясными, четкими и доступными общественности и не предоставляют должностным лицам излишних дискреционных полномочий. Принцип необходимости требует, чтобы ограничение было соразмерным и узко толкуемым для достижения законных целей, изложенных в статье 19 (пункт 3) Пакта.

38. Дезинформация не может быть запрещена в соответствии с международным правом прав человека, если только она не равносильна пропаганде ненависти, представляющей собой подстрекательство к вражде, насилию и дискриминации. Она может быть ограничена только в том случае, если это отвечает требованиям законности, необходимости и законным целям, изложенным в Пакте. Ложность информации или манипулирование ею сами по себе не являются достаточным основанием для ограничения свободы слова. В большинстве случаев лучшим противоядием против дезинформации является не введение правовых ограничений, а обеспечение свободного потока информации из разнообразных и поддающихся проверке источников, в том числе через независимые, свободные и плюралистические средства массовой информации, наличие заслуживающей доверия общественной информации, а также медийная и цифровая грамотность⁴⁷.

39. Принцип свободы слова защищает пропагандистские, как и любые другие высказывания. Она может быть ограничена на тех же основаниях, что и дезинформация, о которой шла речь выше. Пропаганда войны, однако, должна быть запрещена⁴⁸. Следует понимать, что этот запрет применяется только в отношении агрессии или нарушения мира вопреки Уставу Организации Объединенных

⁴⁴ См. Эйан Кац, «Война лжецов».

⁴⁵ [CCPR/C/GC/34](#).

⁴⁶ Статья 19 (пункт 3) Международного пакта о гражданских и политических правах.

⁴⁷ [A/HRC/47/25](#) и [A/HRC/49/L.31/Rev.1](#).

⁴⁸ Статья 20 (пункт 1) Международного пакта о гражданских и политических правах.

Наций и действует исключительно в отношении подстрекательства к войне, а не ведения пропаганды во время войны⁴⁹. Толкование «войны» как агрессии исключает злоупотребление этим положением для подавления внутренних беспорядков, а ограничение его применимости случаями подстрекательства к агрессии позволяет государствам, подвергшимся нападению, мобилизовать поддержку для самообороны. Вместе с тем у некоторых государств и компаний отсутствует ясность относительно сферы его применения, что указывает на необходимость дальнейших разъяснений⁵⁰.

40. Пропаганда ненависти, представляющая собой подстрекательство к вражде, насилию и дискриминации, запрещена международным правом, но государства не обязаны квалифицировать ее как уголовное преступление. Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, одобренный Советом по правам человека, содержит руководство по оценке целесообразности криминализации в свете шести факторов, включая социальный контекст, статус и намерения говорящего, содержание и форму высказывания, характер аудитории, охват сообщения и неизбежность вреда⁵¹. Эти рекомендации в равной степени применимы как к конфликтам, так и к другим ситуациям.

41. Подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию также запрещено Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации, причем уголовная ответственность требуется только в «серьезных случаях»⁵².

42. Международное право позволяет государствам отступать от определенных положений о правах, включая право на свободу выражения мнений, «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой»⁵³. Хотя такое отступление дает государству больше свободы на ограничение выражения мнений, это не означает, что действие данного права может быть приостановлено без ограничений. Меры государств в отступление от своих обязательств должны быть ограниченными по времени, пропорциональными и могут применяться только «в такой степени, в какой это требуется остротой положения». Они не должны быть дискриминационными или несовместимыми с другими международными обязательствами государства или нарушать императивные нормы международного права. Кроме того, отступление не позволяет предпринимать какие-либо действия, которые «направлены на уничтожение» самого права⁵⁴. Таким образом, даже в условиях отступления право на свободу выражения мнений пользуется определенной степенью защиты.

43. Манипулирование свободой мнений заслуживает большего внимания со стороны государств и компаний социальных сетей в свете его серьезности. Свобода мнений пользуется абсолютной защитой в соответствии с международным правом прав человека, будь то в условиях войны или мира. Принудительное, недобровольное или неконсенсусное манипулирование процессом мышления, такое как индоктринация или «промывание мозгов» со стороны государственных или негосударственных субъектов, нарушает свободу мнения. Курирование контента посредством настоятельных рекомендаций платформы или

⁴⁹ См. Андрей Рихтер, «Взаимосвязь между свободой выражения мнений и запретом на пропаганду войны», *Европейский ежегодник по правам человека*, 2015 год; см. также материалы, представленные организацией «Статья 19».

⁵⁰ Материалы, представленные Центром права и демократии и «Мета».

⁵¹ [A/HRC/22/17/Add.4](#), приложение.

⁵² Статья 4.

⁵³ Статья 4 Международного пакта о гражданских и политических правах.

⁵⁴ Статья 5 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах.

микротаргетинга, играющее ключевую роль в повышении степени дезинформации и обострении политической напряженности, представляет собой неконсенсусное манипулирование внутренними мыслительными процессами пользователей в цифровой форме. Как таковое, оно равносильно нарушению права на свободу мнений⁵⁵.

С. Манипулирование информацией в контексте международного гуманитарного права

44. Существует мнение, что в рамках международного гуманитарного права про-являет «удивительно мягкий подход» к манипулированию информацией во время вооруженного конфликта⁵⁶. Дезинформационные кампании, включая уловки или манипулирование информацией с целью подорвать волю противника к сопротивлению, меры по его введению в заблуждение и другие формы обмана и пропаганды широко используются воюющими сторонами и не являются противозаконными по международному гуманитарному праву.

45. Существуют некоторые ограничения на манипулирование информацией в контексте международного гуманитарного права⁵⁷. Вероломство (вводящие в заблуждение действия, направленные на то, чтобы побудить одну сторону распространить защиту согласно нормам международного гуманитарного права на противника, чтобы тот мог убивать, ранить или захватывать в плен) запрещено. Определенные вредные последствия, возникающие в результате информационных операций, также запрещены, например, угрозы насилия или нападения с целью распространения террора среди гражданского населения, поощрение нарушений международного гуманитарного права или подстрекательство к совершению военных преступлений, а также угрозы или приказы «не давать никакой пощады никому» или нападать на гражданское население. Все формы бесчеловечного обращения, оскорбления личного достоинства, унижительного или унижающего достоинство обращения запрещены в отношении лиц, не участвующих в военных действиях⁵⁸. Эти правила распространяются на действия, предпринимаемые с использованием любых средств, в том числе в рамках кампаний по подстрекательству, дезинформации и пропаганде в средствах массовой информации или социальных сетях.

46. Некоторые эксперты ставят под сомнение достаточность этих ограничений в свете характера и воздействия проводимых с использованием цифровых технологий и социальных сетей, кампаний по дезинформации, направленных на гражданское население, а не на военных⁵⁹. Это обоснованная озабоченность, которая заслуживает серьезного рассмотрения со стороны договорных органов Организации Объединенных Наций, государств и международных организаций.

⁵⁵ См. Эвелин Асвад, «Потеря свободы быть человеком», *Columbia Human Rights Law Review*, (29 февраля 2020 год). См. также A/HRC/47/25, пункты 33–36.

⁵⁶ См. Эйан Кац, «Война лжецов».

⁵⁷ См. Робин Гайс и Хеннинг Лахманн, «Защита глобального информационного пространства во время вооруженных конфликтов», Женевская академия, февраль 2021 года, доступно URL: <https://www.geneva-academy.ch/joomlatools-files/docman-files/working-papers/Protecting%20the%20Global%20information%20space%20in%20times%20of%20armed%20conflict.pdf>. См. также Дапо Аканде, «Оксфордское заявление о защите международного права в киберпространстве: регулирование информационных операций и деятельности», *Just Security*, 2 июня 2021 года, доступно URL: <https://www.justsecurity.org/76742/oxford-statement-on-international-law-protections-in-the-regulation-of-information-operations-and-activities/>.

⁵⁸ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года, общая статья 3.

⁵⁹ См. Гайс и Лахманн, «Защита глобального информационного пространства» и Эйан Кац, «Война лжецов».

D. Защита журналистов

47. Наличие неподцензурных и действующих свободно средств массовой информации и право журналистов⁶⁰ работать в безопасности и без страха являются не только неотъемлемой частью права на свободу мнений и их выражения, но и ключом к противодействию дезинформации, в том числе в условиях конфликта. Международное право прав человека защищает практику свободной, независимой и плюралистической журналистики и право журналистов на свободное выражение мнений⁶¹, в то время как международное гуманитарное право обходит этот вопрос молчанием.

48. Международное гуманитарное право защищает журналистов как гражданских лиц. Преднамеренное убийство журналиста является военным преступлением⁶². Распространение журналистами пропаганды, даже если такая деятельность осуществляется в поддержку военных действий, не узаконивает нападения на них или на объекты средств массовой информации⁶³. Журналисты или средства массовой информации могут стать законной военной целью, если они принимают непосредственное участие в военных действиях или подстрекают к военным преступлениям или другим международным преступлениям⁶⁴.

49. Проблема защиты и безопасности журналистов в условиях конфликта заключается не в правовых пробелах, а в отсутствии политической воли и способности государств и других сторон в конфликте соблюдать нормы международного права.

E. Экстерриториальная ответственность за права человека

50. Цифровые технологии сделали возможным удаленное манипулирование информацией и трансграничное воздействие на права человека. Однако экстерриториальное применение международного права прав человека является сложным и противоречивым вопросом, вызывающим озабоченность в отношении суверенитета и безопасности, а также прав человека. Ни международное право прав человека, ни международное гуманитарное право, похоже, не имеют четкого ответа на сложный вопрос о том, в чем заключается ответственность государств, которые вбрасывают, распространяют или спонсируют трансграничную пропаганду, дезинформацию или подстрекательские высказывания в конфликтах, стороной которых они не являются.

51. Согласно статье 2 (пункт 1) Международного пакта о гражданских и политических правах, государства-участники обязаны уважать и обеспечивать осуществление прав, предусмотренных Пактом, для всех лиц, находящихся в пределах их территории и под их юрисдикцией. Комитет по правам человека

⁶⁰ Термин «журналист» относится к профессиональным журналистам, аналитикам, работникам средств массовой информации, блогерам и другим лицам, занимающимся журналистикой: см. A/HRC/50/29, пункты 15–16.

⁶¹ A/HRC/50/29.

⁶² Статья 8 (пункт 2) (а), Римский статут Международного уголовного суда.

⁶³ См. Нильс Мельцер, «Толковое руководство по понятию прямого участия в военных действиях по международному гуманитарному праву», (МККК, Женева, май 2009 года), доступно URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf>, см. также материалы, представленные Центром за закон и демократию.

⁶⁴ См. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, Заключительный доклад Обвинителю Комитета, созданного для рассмотрения бомбардировочной кампании НАТО против Союзной Республики Югославии, доступно URL: <https://www.icty.org/en/press/final-report-prosecutor-committee-established-review-nato-bombing-campaign-against-federal>.

истолковал это положение как охватывающее и тех, кто находится в пределах, и тех, кто находится за пределами территории, но под эффективным контролем соответствующего государства⁶⁵. С другой стороны, Комитет по правам человека также занял позицию в деле, касающемся передачи физической опеки, согласно которой государство может нести ответственность за экстерриториальное нарушение прав человека, если оно является звеном в причинно-следственной цепи, сделавшей это нарушение возможным⁶⁶.

52. Это решение предполагает, что полномочия эффективного контроля должны рассматриваться не только в отношении человека или территории, на которой он находится, но и в отношении его прав человека. Такой подход предполагает возможный путь привлечения виновных к ответственности в ситуациях, когда нарушения прав человека совершаются дистанционно с использованием цифровых технологий⁶⁷.

IV. Реакция государств: проблемы, вызовы и передовой опыт

53. Генеральная Ассамблея и Совет по правам человека подтвердили, что меры реагирования на дезинформацию должны основываться на правах человека⁶⁸. Реакция государства варьируется от проведения политики и принятия практических мер, способствующих свободному распространению информации в соответствии с международным правом прав человека, до осуществления действий, направленных на борьбу с дезинформацией с использованием мер, подрывающих права человека, а в некоторых ситуациях дело доходит до того, что само государство оказывается замешанным в создании, спонсировании и распространении дезинформации, пропаганды и языка вражды.

A. Поощрение доступа к информации

54. Существует множество примеров передовой практики государств по противодействию дезинформации посредством мер, улучшающих доступ к разнообразным и поддающимся проверке источникам информации. К их числу относятся принятие действенных законов и проведение эффективной политики в области обеспечения доступа к информации, обеспечение прозрачности управления, предоставление фактической достоверной общественной информации и продвижение независимых, свободных, плюралистических и разнообразных средств массовой информации⁶⁹.

⁶⁵ [CCPR/C//21/Rev.1/Add.13](#), пункт 10.

⁶⁶ [CCPR/96/D/1539/2006](#).

⁶⁷ См. Ido Kilovaty, «An Extraterritorial Human Right to Cybersecurity», *Notre Dame Journal of International and Comparative Law*, vol. 10, No. 1.

⁶⁸ Резолюция [76/227](#) Генеральной Ассамблеи и [A/HRC/49/L.31/Rev.1](#).

⁶⁹ [A/HRC/50/29](#).

55. Правительства ряда стран, в частности Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции, вкладывают значительные средства в развитие цифровой, медийной и информационной грамотности для повышения устойчивости общества к дезинформации⁷⁰.

56. На уровне Европейского союза были приняты различные законодательные и политические меры для поддержки государств-членов в борьбе с угрозами дезинформации, включая План действий в области европейской демократии, обновленный Кодекс практических мер по борьбе с дезинформацией и систему совместного регулирования на основе Закона о цифровых услугах. Европейский союз также финансирует программы по поддержке инициатив гражданского общества по противодействию дезинформации, таких как проекты по проверке средств массовой информации и фактов⁷¹.

57. Существуют различные инициативы по поддержке кризисного реагирования. Одним из примеров являются визовые соглашения об эвакуации независимых журналистов и правозащитников из затронутых конфликтом или репрессивных ситуаций, чтобы они могли продолжать вести репортажи, осуществлять мониторинг и проверку фактов из-за рубежа.

В. Дезинформация и пропаганда, спонсируемые государством

58. В той или иной степени все государства, независимо от их политического или идеологического характера, готовят и распространяют пропаганду. Как отмечалось выше, пропаганда, которой занимается государство, сама по себе не является противозаконной согласно международному праву. Опасения возникают в случае пропаганды войны или тогда, когда государство использует ложную информацию таким образом, что люди не могут отличить факты от лжи, и это может нанести ущерб обществу или повлечь нарушения прав человека. При определенных обстоятельствах спонсируемые государством пропаганда или дезинформация могут быть приравнены к подстрекательству к военным преступлениям, как это произошло в Мьянме⁷².

59. Дезинформация, подготавливаемая или спонсируемая государством, оказывает серьезное воздействие на права человека, верховенство закона, демократические процессы, национальный суверенитет и геополитическую стабильность в силу ресурсов и сферы влияния государств, а также их способности наряду с этим подавлять независимые и критические голоса в стране, чтобы не оставалось возможности бросить вызов официальной риторике⁷³. В совместном заявлении Специальный докладчик и мандатарии аналогичного уровня региональных организаций выразили серьезную озабоченность по поводу дезинформации относительно конфликта на Украине в российских государственных средствах массовой информации, а также эрозии свободы слова в Российской Федерации и дальнейшего ужесточения цензуры в средствах массовой информации,

⁷⁰ См. Майкл Форсман, «Медиаграмотность и формирующийся медиагражданин в скандинавском государстве медиаблагополучия», *Nordic Journal of Media Studies*, 6 июня 2020 года, доступно URL: <https://www.sciendo.com/article/10.2478/njms-2020-0006>.

⁷¹ Данные представлены Европейским союзом.

⁷² [A/HRC/39/CRP.2](#); см. также материалы, представленные организацией “Free Expression Myanmar” («Свобода выражения мнений в Мьянме»).

⁷³ Корейская Народно-Демократическая Республика является экстремальным примером «повсеместной» пропаганды, жестко контролируемых государственных средств массовой информации и отсутствия независимых или внешних средств массовой информации. См. [A/HRC/25/CRP.1](#), пункты 187 и 197–221.

блокирования плюралистических источников информации и подавления голосов критиков после вторжения России на Украину⁷⁴.

60. Цифровые технологии облегчили некоторым государствам и их агентам, а также негосударственным субъектам вмешательство в конфликты из-за границы и распространение дезинформации таким образом, что установление авторства и обеспечение подотчетности становится проблематичным. Сообщения о проведении таких «информационных операций» поступали в ходе конфликтов, например, в Ливии, Мали, Сирийской Арабской Республике и Йемене и горячо оспаривались⁷⁵.

С. Нападения на средства массовой информации и правозащитников

61. Проверка фактов и предоставление разнообразной, поддающейся проверке информации, независимые, свободные и плюралистические средства массовой информации играют ключевую роль в противодействии дезинформации и государственной пропаганде. Именно поэтому вызывает беспокойство тот факт, что средства массовой информации подвергаются серьезному давлению во многих странах, затронутых конфликтами, или соседних странах. Принимаемые меры включают высылку иностранных средств массовой информации, закрытие местных информационных агентств, преследование по законам о «ложных новостях» или национальной безопасности, которые противоречат международным правовым стандартам, и нападения на журналистов.

62. Мали запретила французские медиаканалы за распространение «ложных утверждений» о нарушениях прав человека армией⁷⁶. Кыргызстан привлек к ответственности национальное независимое средство массовой информации за пропаганду войны, поскольку оно распространило статью о пограничном конфликте с Таджикистаном, содержание которой не совпадало с официальной версией событий⁷⁷. Деятельность в цифровом информационном пространстве сыграла ключевую роль в разоблачении злоупотреблений в ходе сирийской войны. В начале 2022 года Сирийская Арабская Республика ввела уголовную ответственность за «фальшивые новости... которые подрывают престиж государства или наносят ущерб национальному единству» и арестовывала людей за общение

⁷⁴ См. Африканская комиссия по правам человека и народов, Межамериканская комиссия по правам человека и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совместное заявление о ситуации на Украине, 3 мая 2022 года, доступно URL:

<https://srfreedex.org/joint-statement-on-the-situation-in-ukraine/>; см. также материалы, совместно представленные Центром защиты средств массовой информации, Центром по защите прав человека «Мемориал», проектом «Сетевые свободы» и ОВД-Инфо.

⁷⁵ См. Léa Ronzaud, Ira Hubert и Ben Nimmo “Capture the flag: Iranian operators impersonate anti-Netanyahu “black flag” protestors, amplify Iranian narratives”, Graphika, 6 ноября 2020 года, доступно URL: <https://graphika.com/reports/capture-the-flag>; Африканский центр стратегических исследований, «Свет в ливийском тумане дезинформации», 9 октября 2020 года, доступно URL: <https://africacenter.org/spotlight/light-libya-fog-disinformation/>; Graphika и The Stanford Internet Observatory, “More Troll-Kombat: French and Russian influence operations go head to head, targeting audiences in Africa”, 2020, доступно URL: <https://graphika.com/reports/more-troll-kombat>; и Institute for Strategic Dialogue, “Digital investigation on Syria's disinformation” в *Deadly Disinformation: How Online Conspiracies about Syria Cause Real-World Harm* (13 июля 2022 года), доступно URL: https://www.isdglobal.org/digital_dispatches/isds-digital-investigation-on-syria-disinformation/.

⁷⁶ УВКПЧ, заявление «Обеспокоенность по поводу независимых средств массовой информации в Мали после отключения», 29 апреля 2022 года, доступно URL: <https://www.ohchr.org/en/press-briefing-notes/2022/04/concerns-independent-media-mali-after-shutdowns>.

⁷⁷ Материалы, представленные проектом «Международная свобода обмена информацией» (ИФЕКС).

в социальных сетях за пределами страны⁷⁸. Российская Федерация приняла закон, согласно которому публикация любых новостей о войне на Украине, отличающихся от официальной версии, считается серьезным уголовным преступлением. Вследствие полной блокировки информации независимые российские издания были вынуждены приостановить свою деятельность или закрыться, а западные средства массовой информации — покинуть страну или были заблокированы российскими властями⁷⁹.

63. Законы о национальной безопасности и борьбе с терроризмом часто используются для того, чтобы заставить замолчать голоса критиков, включая журналистов, правозащитников и политических оппонентов. Многие из этих законов не отвечают трединому критерию законности, необходимости и наличия законных целей, изложенному в статье 19 (пункт 3) Международного пакта о гражданских и политических правах. Например, военное правительство Мьянмы расширило свое уголовное законодательство, добавив в него не только положение о «ложных новостях», но и новые положения о национальной безопасности, предусматривающие уголовную ответственность за возбуждение «ненависти, неповиновения или нелояльности по отношению к военным и правительству»⁸⁰.

64. Запрещение деятельности того или иного средства массовой информации представляет собой серьезное ограничение свободы слова и редко бывает оправданным. Европейская комиссия запретила несколько российских государственных средств массовой информации на том основании, что они представляют угрозу общественному порядку и безопасности, распространяя дезинформацию и пропаганду. Необходимость и соразмерность запрета были поставлены под сомнение в регионе, где независимые средства массовой информации и специалисты по проверке фактов способны противостоять дезинформации и где можно было бы рассмотреть возможность принятия других, менее радикальных мер⁸¹.

65. Журналисты, ведущие репортажи с переднего края, играют важнейшую роль в развенчании ложной информации, но сами подвергаются высокому риску запугивания, преследования, похищения, насилия и убийства за выполнение своей работы. Совет Безопасности осудил нападения на журналистов и работников средств массовой информации и призвал все стороны положить конец такой практике⁸².

66. Целенаправленные убийства журналистов являются военными преступлениями согласно международному праву, и все же в 9 из 10 случаев преобладает безнаказанность из-за того, что у государств отсутствует политическая воля к проведению расследования и судебному преследованию⁸³. Недавний пример в

⁷⁸ См. Марк Фрари, «Сирия принимает драконовские законы о киберпреступности», *Index on Censorship*, 6 мая 2022 года, доступно URL: <https://www.indexoncensorship.org/2022/05/syria-passes-draconian-cybercrime-laws/>.

⁷⁹ Пресс-брифинг УВКПЧ «Россия: эксперты ООН обеспокоены в связи с тотальным ограничением информации», 12 марта 2022 года, доступно URL: <https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2022/03/russia-un-experts-alarmed-choking-information-clampdown>.

⁸⁰ См. Шон В. Криспин, «Горький разворот: военный переворот в Мьянме уничтожает достижения в области свободы прессы», Комитет по защите журналистов, 28 июля 2021 года, доступно URL: <https://cpj.org/reports/2021/07/bitter-reversal-myanmar-journalists-jailed-imprisoned-military-crackdown/>.

⁸¹ A/HRC/50/29, пункт 62. Однако Европейский суд поддержал запрет на вещание: см. дело «RT France против Совета», доступно URL: <https://curia.europa.eu/juris/documents.jsf?num=T-125/22>.

⁸² Резолюция Совета Безопасности 2222 (2015).

⁸³ Концепция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры «Противодействие угрозам насилия и преступлениям против журналистов для

этом отношении — убийство Ширин Абу Аклех, ветерана палестино-американской журналистики, которая была застрелена 11 мая 2022 года во время освещения операции израильских сил безопасности на оккупированной палестинской территории. Несмотря на многочисленные призывы, в том числе со стороны специальных процедур, Верховного комиссара по правам человека и Генерального секретаря, Израиль не открыл уголовное расследование и не поддержал независимое расследование⁸⁴.

D. Регулирование социальных сетей

67. В ряде государств были приняты законы, касающиеся ответственности посредников и регулирования онлайн-контента, которые налагают на компании социальных сетей слишком широкие обязанности по мониторингу и удалению пользовательского контента, включая дезинформацию⁸⁵. Например, Китай осуществляет всеобъемлющий контроль над содержанием социальных сетей, запрещая многие иностранные платформы, критику правительства, Коммунистической партии и обсуждение религиозных или социальных вопросов, считающихся нежелательными, лицензируя онлайн-блогеров и влиятельных лиц, а совсем недавно предложив платформам проверять все комментарии к контенту до их публикации⁸⁶.

68. Жесткое регулирование социальных сетей используется для ограничения выражения мнений, касающихся вооруженных конфликтов⁸⁷. В Российской Федерации государственные органы использовали как существующие, так и вновь принятые меры регулирования для оперативного контроля информации о войне на Украине⁸⁸. Согласно сообщению Meta («Мета»), власти направили запросы на удаление военного контента, размещенного в «Фейсбуке», которые «Мета» не выполнила⁸⁹. В марте 2022 года власти окончательно заблокировали «Фейсбук» и Instagram («Инстаграм»), а также Twitter («Твиттер») в марте 2022 года⁹⁰. Кроме того, дочерняя компания Google («Гугл») в Российской Федерации подала заявление о банкротстве после того, как ее счет в российском банке был заморожен, по сообщениям, в связи с наличием запрещенного контента на ее сервисах, требованиями о локализации данных и ограничениями, которые «Гугл» применил к YouTube («ЮТуб») — каналам российских средств массовой информации⁹¹.

защиты свободы выражения мнений для всех», 2 ноября 2021 года, доступно URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/concept_note_-_idei_2021_en.pdf.

⁸⁴ Сообщение AL ISR14/2022.

⁸⁵ A/HRC/38/35, раздел III.A, и A/HRC/47/25, пункты 56–58.

⁸⁶ См. URL: <https://freedomhouse.org/country/china/freedom-net/2021>; см. также Zeyi Yang, «Теперь Китай хочет цензурировать комментарии в Интернете», *MIT Technology Review*, 18 июня 2022 года, доступно URL: <https://www.technologyreview.com/2022/06/18/1054452/china-censors-social-media-comments/>.

⁸⁷ Communication OL RUS 4/2019.

⁸⁸ Материалы, совместно представленные Центром защиты средств массовой информации, Центром по защите прав человека «Мемориал», проектом «Сетевые свободы» и ОВД-Инфо, а также материалы, представленные организацией «Доступ сейчас».

⁸⁹ Материалы, представленные компанией «Мета».

⁹⁰ Материалы, совместно представленные Центром защиты средств массовой информации, Центром по защите прав человека «Мемориал», проектом «Сетевые свободы» и ОВД-Инфо.

⁹¹ См. Интерфакс, «Российская дочерняя компания Google подала заявление о банкротстве», 17 июня 2022 года, доступно URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/80331/>.

69. Государства не должны требовать, чтобы платформы обеспечивали соблюдение норм, не соответствующих международному праву в области прав человека. Специальный докладчик рекомендовала придерживаться «разумного регулирования» Интернет-посредников — будь то во время конфликтов или в других ситуациях — для обеспечения соблюдения ими требований должной заботы о правах человека, реальной транспарентности и соблюдения процессуальных гарантий, а не осуществлять регулирование на основе точек зрения или содержания⁹².

Е. Нарушения в работе Интернета и телекоммуникаций

70. Совет по правам человека однозначно осудил отключения Интернета и призвал государства воздержаться от таких действий⁹³. Отключение или замедление этого жизненно важного средства связи скорее усугубляет ситуацию, нежели противодействует дезинформации, пропаганде или подстрекательству.

71. Доступ к Интернету жизненно важен, особенно в условиях конфликта, где он может оставаться единственной линией связи с внешним миром. Интернет нередко отключался в странах, страдающих от конфликтов, в том числе в Мьянме, Сирийской Арабской Республике, Судане и Эфиопии, что давало правительствам возможность контролировать потоки информации⁹⁴. Влияние отключений и «ограничения пропускной способности» или замедления Интернета может пагубно отражаться на повседневной жизни людей. Перебои в его работе также препятствуют мониторингу и представлению докладов и сообщений правозащитников и журналистов. Взаимосвязь между отключениями Интернета и злоупотреблениями, связанными с военными действиями, демонстрациями и переворотами, вызывает озабоченность⁹⁵.

72. Согласно международному гуманитарному праву, объекты средств массовой информации являются гражданскими объектами, даже если они распространяют пропаганду, направленную в поддержку войны. Они не должны подвергаться нападению, если только не используются непосредственно в боевых действиях. Тем не менее телекоммуникационная инфраструктура или помещения средств массовой информации подвергались бомбардировкам или обстрелам во время конфликтов, в том числе в Йемене, на Украине и в секторе Газа⁹⁶.

73. Чрезмерно масштабные санкции со стороны государств и их слишком усердное соблюдение компаниями могут помешать онлайн-доступу и распространению информации в странах, которые ввели санкции, и в странах, в отношении которых они введены. Санкции могут быть контрпродуктивными, поскольку затрудняют доступ общественности, гражданского общества и правозащитников в таких странах к различным источникам информации, как это произошло в Исламской Республике Иран, Российской Федерации, Судане и Сирийской Арабской Республике, или доступ к сообщениям о происходящих в этих странах событиях для тех, кто находится за рубежом⁹⁷.

⁹² A/HRC/47/25, пункт 91.

⁹³ A/HRC/47/L.22, пункт 11.

⁹⁴ См. #KeepItOn, «Возвращение цифрового авторитаризма: отключения Интернета в 2021 году», апрель 2022 года, доступно URL: <https://www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2022/05/2021-KIO-Report-May-24-2022.pdf>.

⁹⁵ A/HRC/50/55, пункт 27; см. также материалы, представленные организацией «Access Now» («Доступ сейчас»).

⁹⁶ Сообщение, представленное организацией «Access Now» («Доступ сейчас»).

⁹⁷ Там же.

V. Компании, работающие в социальных сетях: функции и обязанности

A. Социальные сети в условиях конфликта

74. Платформы социальных сетей весьма восприимчивы к распространению дезинформации, пропаганды и подстрекательства, поскольку они полагаются на алгоритмы, нацеливающие пользователей на конкретный контент и рекомендации, частично основанные на собранных об этих пользователях данных. Многочисленные доклады и сообщения гражданского общества, средств массовой информации, исследователей и международных организаций указывают на роль социальных сетей в распространении государственной пропаганды, материалов экстремистского характера и дезинформации в Эфиопии⁹⁸, Мьянме⁹⁹, на Украине¹⁰⁰ и в Йемене.¹⁰¹

75. Среди компаний социальных сетей «Мета» привлекла наибольшее внимание в результате того, какую роль «Фейсбук» сыграл в разжигании ненависти и насилия в таких странах, как Мьянма, где, как заявила независимая международная миссия по установлению фактов, назначенная Советом по правам человека, «больше всего случаев ненавистнической риторики ... зарегистрировано на “Фейсбуке”»¹⁰². В ситуации войны на Украине «Мета» создала центр специальных операций, имеющий в своем составе русскоязычных и украиноязычных сотрудников, и работает с местными и международными партнерами и специалистами по проверке фактов, с тем чтобы преодолеть проблему манипулирования информацией, но вместе с тем предусмотрела в своей политике противодействия разжиганию ненависти единственное исключение в отношении «высказываний в порядке самозащиты», позволяющее украинским пользователям заявлять о своем сопротивлении и злобно высказываться в адрес российских военных¹⁰³.

76. Манипулирование информацией широко практикуется и на других платформах. В одном из исследований был сделан вывод, что «ЮТуб» служит мощно монетизированным, фундаментальным источником для межплатформенного распространения дезинформации и экстремистского контента¹⁰⁴. «Твиттер»

⁹⁸ Материалы, представленные Наблюдательным советом (дело Райа Кобо); см. также Фонд «Глобальный свидетель», «Сейчас время убивать».

⁹⁹ Материалы, представленные организацией “Free Expression Myanmar” («Свобода выражения мнений в Мьянме»).

¹⁰⁰ Материалы, совместно представленные Центром защиты средств массовой информации, Центром по защите прав человека «Мемориал», проектом «Сетевые свободы» и ОВД-Инфо; см. также Карл Миллер «Кто стоит за #IStandWithPutin?» в *The Atlantic*, 5 апреля 2022 года, доступно URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/04/russian-propaganda-zelensky-information-war/629475/>.

¹⁰¹ См. Ханна Портер, «Разговор о борьбе с дезинформацией в Йемене», Центр политики Йемена, март 2022 года, доступно URL: <https://www.yemenpolicy.org/a-conversation-on-fighting-disinformation-in-yemen/>.

¹⁰² A/HRC/42/50, пункт 72.

¹⁰³ См. Мета (Мета), «Текущие усилия Meta (Мета) в отношении вторжения России в Украину», 26 февраля 2022 года, доступно URL: <https://about.fb.com/news/2022/02/metas-ongoing-efforts-regarding-russias-invasion-of-ukraine/>.

¹⁰⁴ См. Пол М. Барретт и Джастин Хендрикс, «Платформа “вооружена”»: как YouTube распространяет вредный контент — что с этим можно сделать», Центр Штерна по бизнесу и правам человека, июнь 2022 года, доступно URL: https://static1.squarespace.com/static/5b6df958f8370af3217d4178/t/62a38fc022745a7274601da0/1654886337000/NYU+CBHR+YouTube_Final_June10.pdf.

подвергся критике в связи со своей ролью в ряде конфликтов¹⁰⁵. На TikTok («Тикток») значительно увеличилось количество контента, касающегося войны на Украине, включая дезинформацию¹⁰⁶. Weibo («Вейбо») также отметил рост количества контента, неверно представляемого как исходящего с Украины, и объявил, что будет обеспечивать автоматическое добавление геолокации к сообщениям, касающимся этого конфликта¹⁰⁷. «Телеграм», в котором не принято ограничивать свободу слова, широко используется в Российской Федерации и на Украине — как властями, так и общественностью — для распространения информации о конфликте, включая дезинформацию и пропаганду¹⁰⁸.

77. Как показывают вышеупомянутые примеры, масштабы использования социальных сетей для расширенного распространения манипулируемой информации в конфликтах весьма значительны и продолжают расти. Компаниям необходимо активизировать действия по предотвращению подстрекательства к насилию и других серьезных нарушений прав человека, обеспечивая при этом уважение свободы мнений и их выражения.

В. Корпоративные правовые стандарты во время конфликтов

78. Как международное право прав человека, так и международное гуманитарное право применимы к деятельности компаний в ситуациях вооруженных конфликтов. Как указано в Руководящих принципах предпринимательской деятельности в аспекте прав человека¹⁰⁹, компании обязаны уважать признанные на международном уровне права человека и вести свою деятельность таким образом, чтобы не обуславливать или не вызывать «неблагоприятное воздействие на права человека», а также обязаны предотвращать или смягчать такое воздействие; принять стратегии, отражающие их приверженность соблюдению прав человека; проводить комплексную проверку соблюдения прав человека; и обеспечивать осуществление процессов исправления неблагоприятного воздействия на права человека, которое они вызывают или обуславливают.

79. Социальные сети или телекоммуникационные компании, предоставляющие средства для распространения информации в условиях конфликта, могут быть в достаточной степени связаны с вооруженным конфликтом, чтобы инициировать применение международного гуманитарного права к их деятельности. Персонал компании можно привлечь к ответственности за серьезные нарушения международного гуманитарного права, равносильные военным преступлениям¹¹⁰, либо на основании прямых действий, либо на основании

¹⁰⁵ См. Торинмо Салау, «Как Твиттер подвел Африку», *Foreign Policy*, 19 января 2022 года, доступно URL: <https://foreignpolicy.com/2022/01/19/twitter-africa-ghana-dorsey-disinformation/>.

¹⁰⁶ См. Сара Браун, «В российско-украинской войне социальные сети разжигают изобретательность и дезинформацию», Школа менеджмента Слоуна Массачусетского технологического института, 6 апреля 2022 года, доступно URL: <https://mitsloan.mit.edu/ideas-made-to-matter/russia-ukraine-war-social-media-stokes-ingenuity-disinformation>.

¹⁰⁷ См. Вейлун Сун, «Как китайские технологические гиганты, от TikTok до Tencent, реагируют на вторжение России на Украину», *Insider*, 13 апреля 2022 года, доступно URL: <https://www.businessinsider.com/how-chinas-tech-giants-reacting-to-ukraine-crisis-tiktok-tencent-2022-3?r=US&IR=T>.

¹⁰⁸ См. Сара Браун, «В российско-украинской войне».

¹⁰⁹ A/HRC/17/31, приложение.

¹¹⁰ См. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека, комментарий к принципу 23; УВКПЧ, *Корпоративная ответственность за соблюдение прав человека: интерпретационное руководство, 2012 год*, доступно на сайте URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/HR.PUB.12.2_En.pdf; и

корпоративного соучастия¹¹¹. Кроме того, они могут потерять свою защиту как гражданские лица в соответствии с международным гуманитарным правом, если будут заниматься деятельностью, которая может быть истолкована как непосредственное участие в военных действиях¹¹². В таких ситуациях компании несут двойную ответственность: им следует, во-первых, продолжать уважать свободу мнений и их выражения, включая право на информацию, и, во-вторых, соблюдать международное гуманитарное право.

80. Рабочая группа по вопросам предпринимательства и прав человека призвала компании, работающие в конфликтных ситуациях (включая ситуации пред- и постконфликтные), проявлять должную предусмотрительность в повышенной мере в соответствии с возросшими рисками¹¹³. Организация Объединенных Наций определила «усиление подстрекательской риторики или языка ненависти, направленного против конкретных групп или лиц» как «красный флаг», который должен побудить компании начать проявлять повышенную должную предусмотрительность¹¹⁴. Она рекомендовала компаниям выявлять и оценивать фактическое или потенциальное негативное воздействие такого усиления не только на права человека, но и на сам конфликт.

81. Организации гражданского общества подчеркивают важность синтеза прав человека, учета специфики конфликтов, технологической этики и основ безопасности человека для разработки эффективных подходов к деятельности цифровых компаний в условиях конфликта. Они также предложили разработать типовую рамочную программу, основанную на этом подходе, в контексте процесса с участием многих заинтересованных сторон¹¹⁵.

C. Политика компаний

82. Война между Украиной и Российской Федерацией и действия Российской Федерации по объявлению вне закона независимых военных репортажей и запрету средств массовой информации заставили компании социальных сетей перейти к беспрецедентному уровню действий¹¹⁶.

МККК, база данных МГП, доступно URL: https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v1_rul_rule156.

¹¹¹ A/HRC/50/40/Add.4, пункт 34.

¹¹² См. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 8 июня 1977 года, статья 51 (пункт 3) и УВКПЧ, *Корпоративная ответственность за соблюдение прав человека*.

¹¹³ A/75/212, пункты 13, 19–21 и 72; см. также Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека, принципы 7 и 17.

¹¹⁴ См. Джеральд Пачуд и Синиша Милатович, «Повышенная должная предусмотрительность в области прав человека для бизнеса в условиях конфликта: руководство», Программа развития Организации Объединенных Наций, 2022 год, доступно URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-06/UNDP_Heightedened_Human_Rights_Due_Diligence_for_Business_in_Conflict-Affected_Context.pdf.

¹¹⁵ См. Дженнифер Истердей, Хана Айвенго и Лиза Ширх, «Сравнение рекомендаций для технологических компаний в нестабильных и конфликтных ситуациях», аналитическая записка № 125, Институт мира Тода, март 2022 года, доступно URL: <https://toda.org/policy-briefs-and-resources/policy-briefs/comparing-guidance-for-tech-companies-in-fragile-and-conflict-affected-situations.html>.

¹¹⁶ Телекоммуникационные компании также предприняли значительные шаги по поддержанию инфраструктуры в пострадавших от конфликта районах Украины и

83. Почти все западные компании ушли из Российской Федерации или были заблокированы. Некоторые компании, базирующиеся в Соединенных Штатах Америки, выступили с получившими широкую огласку заявлениями о своих усилиях по поддержанию доступа к Интернету на Украине и противостоянию цензуре и пропаганде в Российской Федерации. Гораздо меньше известно об их реакции на конфликты в других частях мира или о политике и практике компаний, штаб-квартиры которых расположены за пределами Западной Европы и Северной Америки. Неудивительно, что существуют опасения относительно последовательности политики компаний на глобальном уровне и глубины их приверженности правам человека.

84. Опубликованные стратегии компаний в отношении конфликтов и манипулирования информацией сильно различаются, причем некоторые из них продолжают развиваться с учетом развития событий на местах. Например, «Твиттер» опубликовал официальную «стратегию противодействия дезинформации в кризисных ситуациях», в которой говорится, что компания «будет принимать меры в отношении аккаунтов, использующих услуги «Твиттера» для распространения ложной или вводящей в заблуждение информации, которая может нанести вред населению, пострадавшему от кризиса»¹¹⁷. «Мета» подготовила процедуры для работы со «странами, находящимися в зоне риска», которые она подробно описала в публичных сообщениях¹¹⁸, и, согласно сообщениям, работает в настоящее время над политикой в отношении конфликтов, отозвав обращенную к ее Надзорному совету просьбу вынести рекомендации по модерации контента в условиях конфликта, сославшись на соображения безопасности¹¹⁹. Другие платформы, включая Reddit («Реддит»), Snapchat («Снепчат») и TikTok («Тикток»), до сих пор предпочитали выпускать лишь заявления, касающиеся проблем, связанных с конкретными конфликтными ситуациями¹²⁰.

85. Как отметил предыдущий мандатарий и повторила ныне действующий Специальный докладчик, компании должны по умолчанию учитывать стандарты прав человека в своих условиях предоставления услуг, политике модерации контента, при разработке правил и обеспечении их применения¹²¹. Между тем, за редким исключением, компании редко ссылаются на международные

предоставлению беженцам бесплатных средств связи, а доступ к облачным услугам сохранили для пользователей.

¹¹⁷ Политика кризисного информирования, Центр помощи, май 2022 год, доступно URL: <https://help.twitter.com/en/rules-and-policies/crisis-misinformation>.

¹¹⁸ Материал, представленный компанией «Мета».

¹¹⁹ Компания «Мета», «Мета отзывает запрос на консультативное заключение, связанное с вторжением России в Украину», 13 июля 2022 года, доступно URL: <https://transparency.fb.com/oversight/oversight-board-cases/ukraine-russia-pao>; см. также Совет по надзору, «Защита свободы выражения мнений и прав человека на Украине и России», май 2022 года, доступно URL: <https://oversightboard.com/news/382264103827624-protecting-freedom-of-expression-and-human-rights-in-ukraine-and-russia/>.

¹²⁰ См. Upvoted, «Поддержка Украины и нашего сообщества», 2 марта 2022 года, доступно URL: <https://www.redditinc.com/blog/supporting-ukraine-and-our-community>; Team Snap, «Мы поддерживаем Украину», 1 марта 2022 года, доступно URL: <https://newsroom.snap.com/we-support-ukraine/>; и TikTok, «Bringing more context to content on TikTok», 4 марта 2022 года, доступно URL: <https://newsroom.tiktok.com/en-us/bringing-more-context-to-content-on-tiktok>.

¹²¹ A/HRC/38/35; A/HRC/47/25, раздел V.

стандарты в области прав человека в качестве основы для своей политики¹²². Напротив, они опираются на свои собственные многочисленные отдельные стратегии для выработки ответов на вызовы, связанные с конфликтами¹²³. Такой фрагментарный подход не обеспечивает столь необходимую согласованность и предсказуемость практики платформ и может подорвать соблюдение компаниями международного права прав человека и международного гуманитарного права.

D. Практика компаний

86. Многие из проблем, обозначенных ниже, поднимались предыдущими и нынешними специальными докладчиками и другими заинтересованными сторонами в отношении неконфликтных ситуаций. Они приобретают дополнительную значимость в условиях конфликта из-за повышенного риска для компаний и в силу повышенной уязвимости пользователей. Несмотря на усилия по повышению эффективности реагирования на кризисы и модерации контента, основные проблемы, в том числе касающиеся самой бизнес-модели, остаются практически нерешенными.

87. **Политика должной предусмотрительности в вопросах прав человека.** Несмотря на то, что подробная информация о проводимой компаниями политике должной предусмотрительности в отношении конфликтов ограничена, как представляется, существует несоответствие между объемом выделяемых ресурсов и серьезностью проблем, а в ее проведении отсутствует элемент своевременности¹²⁴. Гражданское общество обеспокоено тем, внедрили ли компании адекватные процессы для определения конкретного операционного контекста как представляющего потенциальный риск конфликта¹²⁵. После начала войны на Украине в феврале этого года несколько компаний создали или укрепили группы по вопросам конфликтов и работают над политикой и процедурами, связанными с конфликтами, но конкретная информация о том, как они работают и какие ресурсы применяются, весьма скудна. Нет ясности также и в том, создаются ли подобные структуры для применения на глобальном уровне.

88. **Модерация контента.** В конфликтных ситуациях неадекватная модерация контента может подпитывать дезинформацию, пропаганду и подстрекательство, равно как и усугублять насилие. Пользователи платформ, организации гражданского общества и исследователи сообщают о несоответствиях, а также о серьезных сбоях в модерации контента.

89. По сообщениям, компании испытывают трудности со стандартизацией правил удаления контента в конфликтных ситуациях, подвергая его чрезмерной

¹²² Платформа «Meta» отметила применимость Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека, международного права прав человека и международного гуманитарного права. См. материал, представленный компанией «Meta». См. также «Meta», «Стандарты сообщества Facebook («Фейсбук»)), доступно URL: <https://transparency.fb.com/policies/community-standards/>, и «Meta», «Корпоративная политика в области прав человека», доступно URL: <https://about.fb.com/wp-content/uploads/2021/03/Facebooks-Corporate-Human-Rights-Policy.pdf>. «Твиттер» отметил применимость международного гуманитарного права. См. Синеад МакСвини, «Наш текущий подход к войне на Украине», 16 марта 2022 года, доступно URL: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2022/our-ongoing-approach-to-the-war-in-ukraine.

¹²³ См. материалы, представленные компанией «Meta».

¹²⁴ A/HRC/47/25, пункты 74–76.

¹²⁵ Материалы, представленные компанией «JustPeace Labs» («ДжастЗис Лебс») и организацией «Статья 19».

цензуре в одних случаях и уделяя ему недостаточное внимание или проявляя предвзятость в других¹²⁶. Организации гражданского общества также жаловались на то, что компании подвержены давлению со стороны государств, требующих удаления контента, представляющего отличающиеся от общепринятых точек зрения в конфликтных ситуациях¹²⁷.

90. Существует обеспокоенность тем, что компании не выделяют достаточных ресурсов и достаточного числа специалистов для проверки содержания на всех соответствующих языках и с должным пониманием местных условий в конфликтных ситуациях¹²⁸. Кроме того, хотя компании используют для модерации контента как автоматизированные, так и предполагающие участие человека процессы, неясно, насколько эти процессы сбалансированы, насколько они эффективны и в соответствии с какими параметрами функционируют автоматизированные процессы или местные специалисты какого уровня могут быть привлечены в случае модерации с участием человека.

91. Помимо удаления или блокирования контента, компании социальных сетей также применяют тактику, предполагающую посредничество в отношении связанного с конфликтами контента, доступного их пользователям, например, используя предупреждения, пометки, проводя проверку фактов, предлагая другие источники или сокращения распространения контента.

92. **Монетизация.** В докладах документально зафиксировано широкое использование дезинформации, пропаганды и языка вражды для получения дохода на платформах социальных сетей, что стимулирует постоянное манипулирование информацией¹²⁹. Такая монетизация осуществлялась несмотря на политику компании, направленную на ограничение типов контента, считающегося подходящим для рекламы¹³⁰. Признавая наличие этой проблемы, Европейская комиссия включила в 2022 году в свой обновленный Кодекс практических мер по борьбе с дезинформацией, который подписали «Гугл», «Мета», «Майкрософт», «Тикток» и «Твиттер», обязательства, посвященные усилиям по демонетизации¹³¹.

¹²⁶ Материалы, представленные организациями «Доступ сейчас», «Статья 19» и Наблюдательным советом.

¹²⁷ Материалы, представленные организациями “7amleh” — The Arab Centre for the Advancement of Social Media («Хамле» — Арабским центром по продвижению социальных сетей) и Наблюдательным советом; см. также “Access Now” («Доступ сейчас»), «Шейх Джаррах: Facebook («Фейсбук») и Twitter (Твиттер) систематически глушат протесты, удаляя свидетельства», 7 мая 2021 года, доступно URL: <https://www.accessnow.org/sheikh-jarrah-facebook-and-twitter-systematically-silencing-protests-deleting-evidence/>.

¹²⁸ Материалы, представленные организацией «Статья 19».

¹²⁹ См. Карен Хао, «Как Facebook («Фейсбук») и Google («Гугл») финансируют глобальную дезинформацию» в *MIT Technology Review*, 20 ноября 2021 года, доступно URL: <https://www.technologyreview.com/2021/11/20/1039076/facebook-google-disinformation-clickbait/>.

¹³⁰ См. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/6162278?hl=en#zippy=%2Cguide-to-self-certification>; Справочный центр, «Стандарты монетизации контента», доступно URL: <https://help.twitter.com/en/rules-and-policies/content-monetization-standards>; Метapolитика деловой рекламы, доступно URL: https://www.facebook.com/policies_center/ads; Рекламная политика Tik Tok (Тикток), доступно URL: <https://ads.tiktok.com/help/article?aid=9552>; и рекламная политика Snap («Снеп»), доступно URL: <https://www.snap.com/en-US/ad-policies>.

¹³¹ Европейская комиссия, Обновленный кодекс практических мер по борьбе с дезинформацией, раздел II.

93. Некоторые компании социальных сетей приняли меры по ограничению монетизации определенного контента, связанного с конфликтами, особенно в связи с войной на Украине (что было связано с введением санкций)¹³². Однако исследования показывают, что политика компаний в отношении рекламы не является достаточно всеобъемлющей, а ее соблюдение не обеспечивается должным образом, к тому же она не обновляется регулярно, с тем чтобы отражать ход развития глобальных конфликтов¹³³. Действительно, фокусирование внимания компаний на конфликте на Украине заставляет задуматься о том, уделяется ли активное внимание вопросу монетизации в контексте других конфликтных ситуаций.

94. **Транспарентность и защита прав.** Цифровые платформы с трудом обеспечивают реальную транспарентность как в мирных условиях, так и в условиях конфликта. В 2022 году, как следует из «Рейтинга соблюдения цифровых прав», отчетность о транспарентности 14 наиболее широко используемых цифровых платформ не обеспечивала необходимого контекста и детализированных данных, а также информации о должной осмотрительности в области прав человека, разработке и внедрении алгоритмических систем и систем целевой рекламы, в том числе используемых для курирования, ранжирования или рекомендации контента¹³⁴. Степень транспарентности в отношении правительственных запросов на удаление информации, включая их количество, происхождение и цель и сведения об их удовлетворении компаниями, также ограничена.

95. Совет по надзору отметил необходимость повышения прозрачности в отношении того, следит ли компания «Мета» за соблюдением своей политики в отношении контента, с разбивкой по странам и языкам, а также в отношении правительственных запросов на удаление контента¹³⁵. Эти вопросы возникли в отношении «Мета» в связи с решением компании создать Наблюдательный совет. Многие другие компании не предоставляют практически никакой информации о своей деятельности, не говоря уже об отсутствии у них публичных каналов обжалования и проверки.

96. Обновленный в 2022 году Кодекс практических мер по борьбе с дезинформацией Европейской комиссии, который дополняет нормативные требования Закона о цифровых услугах и согласуется с ними, включает обязательства по повышению транспарентности, расширению доступа исследовательского

¹³² См. политику монетизации каналов YouTube («Ютуб»), доступную URL: <https://support.google.com/youtube/answer/1311392?hl=en>; «Мета», «Текущие усилия Мета в отношении вторжения России на Украину», 26 февраля 2022 года, доступно URL: <https://about.fb.com/news/2022/02/metas-ongoing-efforts-regarding-russias-invasion-of-ukraine/#latest>; Синеад МакСвини, «Наш постоянный подход к войне на Украине», 16 марта 2022 года, доступно URL: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2022/our-ongoing-approach-to-the-war-in-ukraine; Политика «Твиттера» — «Государственные средства массовой информации», доступно URL: <https://business.twitter.com/en/help/ads-policies/ads-content-policies/state-media.html>; Рекламная политика Snap («Снеп»), раздел 3.9, доступно URL: <https://www.snap.com/en-US/ad-policies>; Upvoted, «Поддержка Украины и нашего сообщества», 2 марта 2022 года, доступно по URL: <https://www.redditinc.com/blog/supporting-ukraine-and-our-community>; и Рафаэль Френкель, «Обновленная информация о ситуации в Мьянме», «Мета», 7 декабря 2021 года, доступно URL: <https://about.fb.com/news/2021/02/an-update-on-myanmar/>. См. материалы, представленные компанией «Мета».

¹³³ Материалы, представленные организацией «Глобальный индекс дезинформации».

¹³⁴ См. Afef Abrougui и другие, «Основные выводы из оценочной карты больших технологий 2022 года RDR», инициатива «Рейтинг цифровых прав», New America, доступно URL: <https://rankingdigitalrights.org/mini-report/key-findings-2022/>; и Svea Windwehr и Jillian C. York, «Спасибо за ваш отчет о прозрачности, вот все, чего не хватает», Electronic Frontier Foundation, 13 октября 2020 года, доступно URL: <https://www.eff.org/deeplinks/2020/10/thank-you-your-transparency-report-heres-everything-thats-missing>.

¹³⁵ Материалы, представленные Наблюдательным советом.

сообщества к данным платформ и предоставлению пользователям большего объема информации о разработке рекомендательных систем¹³⁶. Хотя такие меры свидетельствуют о значительном прогрессе, необходимо также регулярно обновлять отчетность о транспарентности в отношении развития событий в странах, находящихся в зоне риска или затронутых конфликтом.

97. Кроме того, чтобы иметь возможность оспорить ограничения на выражение мнений во время конфликта, в том числе в отношении сохранения доказательств, или выразить обеспокоенность по поводу введения таких ограничений, пользователям необходим безопасный, прямой доступ к механизмам обжалования и другим линиям связи, обеспечивающим последующее предоставление своевременных ответов. Обновленный Кодекс практических мер включает обязательство обеспечить прозрачный механизм обжалования, являющийся своевременным, добросовестным и объективным¹³⁷.

98. **Шифрование, анонимность и безопасность аккаунта.** Использование шифрования, анонимности и других протоколов конфиденциальности может повысить уровень конфиденциальности и безопасности пользователей, предотвращая сбор пользовательских данных, цензуру и неконсенсусное направление пользователям персонализированного контента¹³⁸. В то же время платформы, использующие шифрование, используются для распространения языка вражды и другого подстрекательского контента. Например, сообщается, что в Мьянме, по мере усиления модерации контента в «Фейсбуке», дезинформация, пропаганда и подстрекательство стали носить более отчетливо выраженный характер в «Телеграме», тогда как общедоступные каналы, выступающие в поддержку военных властей на этой платформе, занимались доксингом (незаконным раскрытием в сети идентифицирующей информации пользователей)¹³⁹. Заинтересованным сторонам важно продолжать оценивать методы модерации сообществ и механизмы отчетности на обеспечивающих шифрование платформах, которые не только делают акцент на самостоятельности пользователей, но и соответствуют международному праву прав человека и международному гуманитарному праву¹⁴⁰.

99. **Сохранение доказательств.** Сохранение доказательств нарушений во время конфликта заслуживает особого внимания со стороны платформ социальных сетей, учитывая важность таких данных для процессов привлечения виновных к ответственности и отправления правосудия¹⁴¹. Появились сообщения о том, что компании социальных сетей предпочитают удалять контент, связанный с конфликтами, включая свидетельства военных преступлений, потому что он

¹³⁶ Европейская комиссия, Обновленный кодекс практических мер по борьбе с дезинформацией, раздел VI, обязательства 18–19.

¹³⁷ Там же, обязательство 24.

¹³⁸ См. материалы, совместно представленные Центром защиты средств массовой информации, Центром по защите прав человека «Мемориал», проектом «Сетевые свободы» и OVD-Info, а также материалы, представленные Центром взаимодействия со средствами массовой информации Техасского университета в Остине.

¹³⁹ Материалы, представленные организациями «Free Expression Myanmar» («Свобода выражения мнений в Мьянме») и «Access Now» («Доступ сейчас»).

¹⁴⁰ Материалы, представленные Центром взаимодействия со средствами массовой информации Техасского университета в Остине.

¹⁴¹ См. Центр по правам человека, юридический факультет Калифорнийского университета в Беркли и УВКПЧ, *Протокол Беркли по расследованиям с использованием цифровых открытых источников: практическое руководство по эффективному использованию информации из цифровых открытых источников при расследовании нарушений международного уголовного права, прав человека и гуманитарного права* (публикация Организации Объединенных Наций, 2022 год), доступно URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022-04/OHCHR_BerkeleyProtocol.pdf.

противоречит их политике в отношении графических или насильственных изображений, и делают выбор в пользу самого быстрого способа удаления, не предпринимая усилий по архивированию материала¹⁴².

VI. Выводы и рекомендации

100. Информационная среда становится опасным и все более масштабным театром конфликта в цифровую эпоху. Государственные и негосударственные субъекты, опираясь на возможности новых технологий и платформ социальных сетей, используют информацию в качестве оружия, с тем чтобы сеять смятение, разжигать ненависть, подстрекать к насилию, провоцировать общественное недоверие и отравлять информационную среду. Страдания людей и ущерб, наносимый общественным структурам, выходят далеко за рамки военной необходимости.

101. В свете этого Специальный докладчик делает шесть общих выводов, которые определяют конкретные рекомендации для заинтересованных сторон.

102. Во-первых, право на информацию не должно рассматриваться как законная военная цель. Это «право на выживание», от которого зависит жизнь, здоровье, благополучие, безопасность и защищенность людей во время кризиса и конфликта. Это право человека и общественное благо, которое необходимо развивать и поощрять для обеспечения безопасности, защиты, достоинства и свободы людей. Демократическое общество не может процветать без доступа к разнообразным источникам информации. Свобода выражения мнений, включающая в себя право на информацию, является основой общественного доверия, которое помогает предотвращать и разрешать конфликты и способствует миру, примирению и развитию.

103. Во-вторых, противодействие дезинформации жизненно важно для защиты прав человека и восстановления общественного доверия, но оно должно обеспечиваться эффективными, а не контрпродуктивными методами. Цензура критических высказываний, нападки на независимые средства массовой информации и создание помех работе Интернета не дают реальных результатов в усилиях по сокращению объема дезинформации, но во многом способствуют подрыву свободы мнений и их выражения и ухудшению информационной среды. Все государства должны недвусмысленно заявить о своей приверженности защите права на свободу мнений и их выражения, а любые действия, предпринимаемые ими для противодействия дезинформации, должны быть основаны на международном праве прав человека.

104. В-третьих, цифровые технологии и социальные сети создали новую парадигму, которая обнажила двусмысленность, неопределенность и потенциальные пробелы в международных правовых стандартах, которыми некоторые государства и негосударственные субъекты нагло и безнаказанно пользуются в ущерб правам человека и гуманитарной защите. Необходимо усилить применение принципов прав человека наряду с международным гуманитарным правом, чтобы допустимые пределы применения «военных уловок» были переосмыслены с целью их переориентации на защиту как гражданского населения, так и права на информацию, которая необходима ему для сохранения достоинства и выживания.

¹⁴² См. материалы, представленные Наблюдательным советом.

105. Запрет пропаганды войны следует толковать узко, чтобы он не ущемлял право на протест и критику. Управлению Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека следует подготовить соответствующие руководящие принципы для использования государствами и компаниями.

106. Вопрос об экстерриториальном применении прав человека следует пересмотреть с учетом цифровых угроз праву на свободу выражения мнений и информации, исходящих из-за границы.

107. В-четвертых, хотя реакция компаний социальных сетей на войну на Украине во многом заслуживает похвалы, они должны сделать гораздо больше с целью обеспечить последовательное применение политики и операционной практики во всем мире, а также для того, чтобы усиленное проявление должной заботы о правах человека и оценка воздействия были своевременными и учитывали местные условия для всех конфликтных ситуаций, в которых компании ведут свою деятельность.

108. В-пятых, необходимо укреплять устойчивость общества к манипулированию информацией путем расширения прав и возможностей правообладателей и гражданского общества. В нестабильных ситуациях следует уделять больше внимания информации о средствах массовой информации и цифровой грамотности, особенно для молодежи, женщин, пожилых людей и других маргинализированных групп, здоровым отношениям в общинах, проверке фактов на уровне общин, а также образовательным программам по противодействию ненависти, насилию и экстремизму.

109. Наконец, проблемы цифровой экосистемы должны решаться комплексно и в рамках сотрудничества всех заинтересованных сторон. Важно применять многомерный, многосторонний подход, при котором наряду с государствами, международными организациями и цифровыми компаниями будут в полной мере задействованы гражданское общество и традиционные средства массовой информации.

A. Рекомендации для государств

110. Обязательство уважать, защищать и осуществлять право на свободу мнений и их выражения налагает на государства обязанность обеспечивать здоровую информационную среду. В соответствии с этой обязанностью государства должны воздерживаться от создания, спонсирования, поощрения или распространения ложной информации для ухудшения информационной среды.

111. Во время вооруженных конфликтов государства в соответствии с международным правом прав человека не должны использовать, распространять или поощрять третьи стороны к распространению информации в пределах своей территории или через границы таким образом, чтобы это могло привести, прямо или косвенно, к причинению вреда гражданскому населению, включая военные преступления, преступления против человечности или другие нарушения международного гуманитарного права, или подстрекательство к враждебности, насилию или дискриминации.

112. Государства не должны нарушать работу Интернета или телекоммуникационных сетей, поскольку это, по своей сути, является несоразмерным ограничением доступа к информации. Следует не допускать, чтобы применение общих санкций приводило к ограничению доступа людей к Интернету или безопасным средствам связи. При необходимости государства

должны предоставлять исключения, обеспечивающие доступ к Интернету и свободный поток информации населению, живущему под санкциями.

113. Государства не должны запрещать или ограничивать дезинформацию, пропаганду и «ложные новости» или «фальшивые новости», если только они не отвечают требованиям законности, необходимости и законной цели, изложенным в статье 19 (3), или не равнозначны подстрекательству в соответствии со статьей 20 Международного пакта о гражданских и политических правах. Они должны запрещать пропаганду ненависти, представляющую собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, или другие международные преступления. Следует избегать объявления вне закона выражения мнений, кроме как в соответствии с указаниями, содержащимися в Рабатском плане действий.

114. Государства должны обеспечить, чтобы все меры по отступлению от правил были строго необходимыми и соразмерными для разрешения исключительных ситуаций, недискриминационными, ограниченными по времени и адаптированными по масштабу к условиям кризиса. Кроме того, меры по ограничению выражения мнений во время чрезвычайных ситуаций должны быть объявлены отступлением от соблюдения обязательств в соответствии с процедурой Международного пакта о гражданских и политических правах, с тем чтобы Комитет по правам человека мог провести тщательную проверку.

115. Государства должны уделять приоритетное внимание неправовым мерам противодействия дезинформации и пропаганде, начиная со своих собственных обязательств по активному раскрытию официальных данных, поощрению достоверной проверки фактов, содействию доступу к разнообразным, надежным источникам информации, обеспечению медийной, цифровой и информационной грамотности и созданию благоприятной и инклюзивной среды для гражданского общества, чтобы оно могло принимать инициативные меры по противодействию манипулированию информацией.

116. Государства должны выполнять свою обязанность по обеспечению права на информацию путем повышения уровня собственной транспарентности и активного раскрытия официальных данных онлайн и офлайн. Все государства должны принять и внедрить всеобъемлющие законы о доступе к информации или привести существующие законы, политику и практику в соответствие с международными и региональными стандартами. В таких законах следует избегать положений о неоправданно широких исключениях из права на информацию по соображениям национальной безопасности.

117. Право на информацию включает в себя доступ к информации любого рода, независимо от границ и с использованием любого средства информации по выбору человека. Государства должны уважать и защищать право отдельных лиц на получение новостей и пропаганды из-за рубежа, если только доступ к такой информации не был ограничен в соответствии с международными стандартами в области прав человека.

118. Государства должны уважать, защищать и поощрять независимость, свободу, плюрализм и многообразие, включая гендерное разнообразие, средств массовой информации во все времена. Они должны полностью выполнять свои обязательства согласно международному гуманитарному праву по защите всех иностранных и национальных журналистов (определяемых в соответствии с международным правом прав человека) как гражданских лиц в вооруженном конфликте. Свобода передвижения

сотрудников средств массовой информации и свобода независимого освещения ими событий должна неукоснительно соблюдаться.

119. Государства не имеют права принуждать средства массовой информации, платформы социальных сетей или организации гражданского общества к распространению во время вооруженных конфликтов только той информации, которая была произведена или одобрена властями. Установление полной информационной блокады под угрозой сурового уголовного наказания в случае ее нарушения не оправдано международным правом даже во время чрезвычайного положения.

120. Государства должны расследовать все нападения на журналистов быстро, эффективно, на независимой и беспристрастной основе в соответствии с Миннесотским протоколом по расследованию предположительно незаконного лишения жизни. Организация Объединенных Наций должна создать независимую международную целевую группу для поддержки международных и национальных усилий по предотвращению, расследованию и судебному преследованию нападений на журналистов.

121. Международному уголовному суду следует рассмотреть вопрос о прекращающихся убийствах журналистов в конфликтных ситуациях с целью судебного преследования за военные преступления, если национальные органы власти не хотят или не могут этого сделать.

122. Государства не должны просить платформы применять меры в отношении контента, который не соответствует международным стандартам в области прав человека. Государственное регулирование социальных сетей должно побуждать компании обеспечивать реальную прозрачность, проявлять должную заботу о правах человека и соблюдать надлежащие правовые процедуры в отношении пользователей.

В. Рекомендации для компаний

123. Компании должны разработать специальные комплексные стратегии, процедуры и структуры для работы в условиях конфликта, основанные на международном праве прав человека и, где это применимо, стандартах международного гуманитарного права, которые обеспечивают предсказуемые, последовательные и эффективные рамочные основы для решения проблем манипулирования информацией, обеспечения безопасности пользователей и создания механизмов правовой защиты. Эти стратегии должны быть доступны всем пользователям на том языке, на котором они работают с платформой.

124. Компании должны особо строго проводить политику должной осмотрительности в вопросах прав человека и своевременно задействовать усовершенствованные стратегии управления рисками в пред- и постконфликтных ситуациях или во время конфликтов с использованием достаточных ресурсов, языковых и контекстуальных знаний и во взаимодействии с гражданским обществом. Процессы должной осмотрительности должны включать вдумчивый анализ влияния деятельности, продукции и услуг компаний, включая саму используемую ими бизнес-модель, на динамику конфликтов, а также на права человека.

125. Компании должны привести модерацию контента в соответствие с нормами международного права прав человека и международного гуманитарного права, прилагая все усилия для поддержания свободы слова и доступа к информации, не допуская распространения контента, способного

подстрекать к насилию или нарушать другие принципы международного права прав человека и международного гуманитарного права.

126. Компаниям следует обеспечить, чтобы модерация контента в конфликтных ситуациях включала надежную экспертизу человеком с привлечением специалистов, владеющих соответствующими языками и знакомых с местным и региональным контекстом. Внутренняя экспертиза должна дополняться поддержанием партнерских отношений с надежными организациями по проверке фактов и гражданским обществом.

127. Сквозное шифрование должно быть защищено как важнейший аспект осуществления свободы мнений и их выражения. Компании также должны тщательно оценивать риски безопасности учетных записей, которые могут затронуть пользователей в конфликтных ситуациях, и предоставлять расширенные варианты обеспечения безопасности.

128. Компаниям следует не только разрабатывать, но и эффективно внедрять политику ограничения и отслеживания монетизации вредоносного контента, связанного с вооруженными конфликтами.

129. Компаниям следует повышать уровень прозрачности в конфликтных ситуациях, в том числе посредством регулярного представления доступных общественности докладов о прозрачности, посвященных конкретным ситуациям. Такие доклады должны содержать детализированную информацию и контекст, необходимые для эффективной оценки воздействия стратегий компании на права человека. Компании должны облегчать доступ исследователей к своим данным об использовании цифровых платформ во время конфликта.

130. Компании должны надежно сохранять все потенциальные доказательства военных преступлений или других нарушений прав человека, совершенных во время вооруженного конфликта, в соответствии с международными стандартами доказательств и разработать процедуры передачи доказательств соответствующим национальным или международным органам правосудия.

131. В заключение Специальный докладчик вновь заявляет о необходимости проведения дополнительных исследований, анализа и диалога с участием многих заинтересованных сторон для достижения консенсуса в отношении концепций, политики, стратегий и руководящих принципов для решения проблемы дезинформации и других форм манипулирования информацией. В связи с появлением различных инициатив по изучению этих вопросов Специальный докладчик повторяет свой призыв к активному применению правозащитного подхода и приветствует предложения государственных, международных организаций, компаний и гражданского общества о том, как ее мандат может способствовать их усилиям.